

ВОЕННО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ
КОРЧЕВСКИЙ

**СМЕРШ
ВРЕМЕНИ**

**«Чистильщик»
из будущего**

Я из СМЕРШа

Юрий Корчевский
СМЕРШ времени.
«Чистильщик» из будущего

«Яуза»

2011

Корчевский Ю. Г.

СМЕРШ времени. «Чистильщик» из будущего /
Ю. Г. Корчевский — «Яуза», 2011 — (Я из СМЕРШа)

Новый роман от автора бестселлера «Заградотряд времени»! Наш современник в кровавом аду Великой Отечественной. Как выжить, заснув в XXI веке, а проснувшись летом 1941 года? Как уцелеть, угодив в жернова истории? Как остаться человеком, будучи сотрудником беспощадного СМЕРШа? «Попаданцу» из будущего предстоит стать одним из лучших «чистильщиков» Главного управления контрразведки «Смерть шпионам!», ликвидировать немецких диверсантов, охотившихся за командармом Рокоссовским, взять в плен начальника штаба разведбатальона «Нахтигаль» и отправиться за линию фронта со сверхсекретной миссией, от которой зависит исход войны... Книга также выходила под названием «Штрафбат времени. «Волкодав» из будущего».

© Корчевский Ю. Г., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Корчевский

СМЕРШ времени.

«Чистильщик» из будущего

Глава 1

И вот позади напряженные будни в Учебном центре подготовки специальных разведывательно-диверсионных отрядов для действий в тылу противника.

После окончания разведшколы нас перевели на базу Отдельной мотострелковой бригады Особого назначения – ОМСБОН НКВД СССР. Располагалась она в пригороде столицы – Мытищах.

Это было крупное войсковое соединение. В бригаду входили два полка и несколько отдельных подразделений – рота связи, саперно-подрывная рота, авторота, рота парашютно-десантной службы, минометная и противотанковая батареи. Одно это перечисление говорит о мощи бригады и ее тактических возможностях.

Что радовало – снабжение оружием, боеприпасами было значительно лучше, чем в действующей армии. В зафронтовых операциях использовалось и трофейное немецкое оружие – автоматы и пулеметы.

Я быстро перезнакомился с сослуживцами. Ну и парни здесь собрались! Все как на подбор крепыши, жилистые, спортивного вида, в недавнем прошлом пограничники, курсанты Высшей военной школы НКВД, милиционеры и пожарники, выпускники Центрального института физкультуры, лучшие спортсмены ЦДКА и общества «Динамо», в том числе – чемпионы по боксу и легкой атлетике. Среди бойцов бригады были и иностранцы, из числа добровольцев-коммунистов из Коминтерна. На борьбу с «коричневой чумой» встали немцы-антифашисты, австрийцы, испанцы, поляки, чехи, болгары, румыны...

В самый тяжелый, отчаянный период обороны Москвы подразделения Особой группы были единственными подразделениями НКВД, которые не были эвакуированы из Москвы в Куйбышев в связи с передислокацией аппарата НКВД в октябре 41-го. В битве за Москву бригада в составе 2-й мотострелковой дивизии войск НКВД Особого назначения воевала на передовой. Но и в эти суровые зимние месяцы мобильные отряды ОМСБОН провели множество дерзких рейдов и налетов в тылу немцев.

В боевую группу входили командир, радист, подрывник и его помощник, снайпер и два автоматчика. В зависимости от поставленной задачи такие группы могли объединяться или дробиться.

С октября 41-го командовал бригадой полковник Михаил Орлов, а координировало всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии 4-е Управление НКВД-МГБ СССР, которое возглавлял комиссар госбезопасности Павел Судоплатов.

Я провоевал в бригаде около полугода, в основном – выполняя задания в немецком тылу. Нас группами забрасывали в тыл на самолетах, мы организовывали партизанские отряды, собирали и передавали по радиации собранные разведданные, устраивали диверсии, минировав дороги и мосты. Наводили наши бомбардировщики на склады боеприпасов и топлива, на аэродромы и солдатские казармы. Одним словом, вредили оккупантам, как могли. И должен сказать, ущерба врагу нанесли немерено. Правда, и рисковать приходилось много и в непростых условиях – мерзнуть в лесах на партизанских базах, отбиваться от карателей, недоедать, уходить от преследователей через болота.

За полгода войны в новом для себя качестве был повышен в звании сначала до старшины, а потом получил лейтенанта. Даже две медали успел заработать – «За боевые заслуги» и «За отвагу». Среди своих сослуживцев, таких же, как и я, разведчиков – диверсантов и подрывников, – я заработал уважение, а за удачливость меня прозвали «везунчиком».

Я дважды успешно возвращался из немецкого тыла на свою территорию, переходя линию фронта. Да видно в какой-то момент удача от меня отвернулась. При очередном переходе линии фронта в немецкий тыл нашу боевую группу постигла горькая участь. Случайно или нет, я не знаю, но на нейтралке нас накрыло минометным огнем, и одна из мин взорвалась прямо посередине ползущей по-пластунски группы. Двоих – сразу наповал, а третьему оторвало руку. Я же получил осколочное ранение в живот и бедро. Когда стемнело, меня вытащили наши пехотинцы, перенесли в свою траншею.

Из санбата я был эвакуирован в глубокий тыл – в госпиталь в Коврове, что за Владимиром. Провалился там с ранениями почти полгода – раны заживали плохо, и был выписан в конце декабря 1942 года.

Вышел я из госпиталя, вдохнул свежего морозного воздуха, и голова закружилась. Обмундирование на мне было госпитальное – старенькое, не раз стиранное и почти потерявшее изначальный цвет. В кармане лежала справка о ранении и документ на отпуск по ранению – на целый месяц. Деньги были – я получил их по денежному аттестату. Стоял вопрос – куда пойти, поехать? В этом времени близких знакомых и друзей у меня не было, кроме фронтовых. Да и где они сейчас? Может – в госпитале, может – убиты, а повезло избежать гибели или ранения – так живы и на задании. Вот ведь незадача: и отпуск получил, и деньги есть, и документы – в том числе и проездные, при мне, а поехать некуда и не к кому. К своему стыду, даже девушки у меня нет – не успел обзавестись. На фронте не до того было, да и женщин почти не было. В ОМСБОНе с женщинами тоже напряг был, а в город тогда не выпускали. Потом – задания, ранение. Когда в тяжелом состоянии в госпитале лежал, от боли скрипел зубами, – не до медсестричек было. А потом уж как-то не сложилось.

А не поехать ли мне в Ярославль? Адрес Лукерьи, жены моего погибшего деда, у меня есть. Расскажу, как он воевал и где погиб. А спросят меня ежели – кто, скажу – бывший однополчанин. Так и сделал.

Только вот выехать из Коврова на Москву оказалось непросто. Пассажирские поезда ходили редко. В основном – военные эшелоны, да в них не сядешь: во время остановки перед вагонами часовые ходят, близко не подпускают, ни на какие документы даже не смотрят.

Немало промучившись, с трудом влез в переполненный вагон пассажирского поезда. Накурено было в нем – хоть топор вешай. Мне удалось усесться в уголке; ничего, что неудобно, ехать недалеко – до Москвы, а там пересадка на Ярославль.

Прибыли в Москву уже ночью. В город я не пошел – задержают патрули проверками документов, с вечера до утра комендантский час. Решив провести ночь на вокзале, я сходил на продпункт, получил по продовольственному аттестату хлеб, селедку и банку американской консервированной колбасы, прозванной в народе «вторым фронтом». Хоть такой прок от их второго фронта. Не спешили открывать американцы в Европе боевые действия, берегли людей, но поставляли в Советский Союз по ленд-лизу боевую технику, продукты, станки исправно.

Тяжелый для Советского Союза выдался второй год войны – оборонительные бои шли без продыху, Сталинград на волоске висел. Но понемногу поднималась и крепла промышленность за Уралом, начала во все больших количествах поставлять на фронт танки, пушки, самолеты, снаряды и патроны, обмундирование. Хуже всего приходилось с продовольствием. Немцы оккупировали самые урожайные районы – Украину, Молдавию, Поволжье, добрались к Кавказу. На Сибирь в этом отношении надежды мало – хоть и крепкие люди сибиряки, но в короткое сибирское лето урожая там не вырастишь.

Я переночевал, сидя на жесткой лавочке в холодном здании вокзала. Утром взял посадочный талон в кассе и едва втиснулся в переполненный вагон.

А через несколько часов сошел в Ярославле.

Сердце захолонуло. Это же мой город, здесь мне суждено будет родиться через три десятка лет в той, мирной жизни, здесь жили мои дед и бабушка, мать и отец. Странное дело – дед погиб, бабушка мне ровесница, отец младенец, а матери и вовсе еще нет на свете.

Город узнаваем в своей старой части – кремль и прилегающие к нему улицы почти не изменились.

Я шагал, вертел головой по сторонам и не мог надышаться пьянящим воздухом родного города. И еще беспокоило – как встретит меня бабушка? Узнать не сможет – не видела она меня никогда прежде, но ведь женщины не умом – нутром своим женским, интуицией чувствуют родную душу.

Вот и улица Революционная. Я сразу узнал дом деда. При приближении к знакомой калитке сердце заколотилось, перехватило дыхание. Нехорошо как-то стало, ноги ослабели.

Я присел на заснеженную лавочку.

– Товарищ военный, вам плохо?

Передо мною стояла девочка-подросток.

– Нет-нет, извини, это я так. Не подскажешь – это дом Колесниковых?

– Да, а кого вам нужно?

– Лукерью.

Едва не вырвалось – бабушку.

– Да вы пройдите, дома она.

Я поднялся, на негнущихся ногах подошел к калитке и постучал. Во дворе залаяла собачонка. Стукнула дверь дома, потом распахнулась калитка. Передо мной стояла моя бабушка – еще молодая, точь-в-точь как у Петра на фотографии, только в валенках и наброшенной шали. В горле застрял комок, и я даже слова не смог вымолвить.

– Вы к кому?

Я взял себя в руки:

– К вам. Вы же Лукерья Колесникова?

Она кивнула, внимательно глядя на меня:

– Да вы проходите.

Мы зашли в дом.

– Раздевайтесь, чайку попьем.

Я сдернул шапку, снял шинель, повесил на вешалку. С любопытством огляделся. Бедновато дед жил. Печь посредине комнаты, кровать, застеленная лоскутным одеялом, стол с тремя стульями, за занавеской в углу – люлька с ребенком.

– Садитесь, я сейчас.

Луша достала из печи чайник. Похоже, чайник все время в ней стоял – один бок был закопчен. На стол поставила стаканы в подстаканниках, тонко нарезанный черный хлеб в вазочке. Я спохватился, достал из вещмешка банку консервированной американской колбасы и поставил на стол. Как я пожалел, что хлеб с селедкой уже съел!

– Извините, не получилось подарка.

Идиот, как я не подумал, что трудно Луше с ребенком. Можно же было отоварить весь продаттестат. Сам бы перебилась как-нибудь, не впервой. В немецком тылу без аттестатов выживал, а уж на своей земле и давно не умру с голода.

– Ой, это вы извините – война, не достать ничего.

Чувствовалось, что Лукерья ждет чего-то, тянет время, хочет услышать и боится.

– Простите, я не представился. – Я встал. – Сергей Колесников.

– Ой, вы же однофамилец моего Петра! – Луша всплеснула руками, залилась слезами. – Я сейчас. – Она утерла глаза, нос. – После похоронки как увижу военного в форме, так плакать хочется.

– Можно мне на похоронку взглянуть?

Лукерья даже не удивилась просьбе – встала, достала из-за иконы и протянула мне бумагу.

Я развернул. Бумага серая, буквы чернильные, корявые, неровные.

«...Ваш муж... пал смертью храбрых на поле боя с немецко-фашистскими захватчиками...»

– Это все, что от Петра осталось. И еще вот это фото.

Лукерья достала из буфета фотографию. На ней были дед и бабушка – молодые и счастливые. Она сидела, он стоял рядом, в форме, положив ей руку на плечо. Смотрели в объектив напряженно, но чувствовалось – веселы оба, беззаботны.

– Это мы еще до войны снимались. А вы по какому делу? – спохватилась Лукерья.

– Воевал я в одном полку с Петром, даже в одном экипаже – мы же с ним оба танкисты. Сам я тоже из Ярославля, вот – по ранению отпуск дали, решил зайти, рассказать, как геройски Петр погиб, да где могилка его. Я же его хоронил и могилку приметил.

Лукерья слушала, приоткрыв рот.

Я рассказывал, каким простым и хорошим парнем был ее Петр, как воевал бесстрашно, как умело, по изрытому снарядами полю, вел танк в атаку, как погиб. Когда я закончил, по ее щекам катились слезы. Она бережно провела рукой по фото и убрала в буфет.

– Я ведь как похоронку получила, все не верила. Вдруг ошибка? Бывает ведь так. А тут – вы. Значит – погиб Петя...

– Погиб, – сказал я глухим голосом.

Я поднялся, надел шинель и вышел.

– Куда же вы, Сергей? Вы обиделись?

– Я сейчас вернусь.

Я нашел продпункт, отоварил все талоны, набив продуктами «сидор», зашел на рынок – он был ровно на том месте, где и сейчас. Купив у барыг водки, вернулся к Лукерье. Шагнул за порог и обомлел.

На полу, босоногий и в одной рубашонке, стоял малец лет двух. Сначала он глядел на меня удивленно, потом спрятался за юбку матери и выглядывал оттуда.

– Это все вам. Чем могу.

Я достал из карманов деньги – целую толстенную пачку, денежное довольствие за полгода, что провел в госпитале. Отсчитал себе несколько бумажек, остальное протянул Луше.

– Что вы, не надо!

– Надо! Бери! Тебе мальчика поднимать, о нем подумай.

– И не знаю, как вас благодарить, Сережа. Наверное, хорошим товарищем был Петя, коли сослуживцы так уважают его.

– Хорошим, – подтвердил я. – Помянем.

Лукерья вытащила из буфета рюмки, мы налили, без тостов и чокания выпили.

– Крепкая! – Лукерья закашлялась.

– Как мальчонку зовут?

– Мишенька! – ... Боже, передо мной стоял мой будущий отец!

Мое сердце забилося сильнее от нахлынувших воспоминаний. Вот я сижу на Первомайской демонстрации на крепких плечах отца, вот я без страха прыгаю с его сомкнутых рук в глубину озера, а когда выныриваю – вижу, как весело смеется отец, и капельки воды на его лице искрятся в солнечных лучах... Как же давно это было! И как же не скоро это еще будет!

– Иди сюда, Мишка! – Я достал из бумажного пакета кусок сахара и протянул его мальчонке. Тот радостно схватил лакомство и – в рот. Чокнуться можно! Даю сахар пацаненку, а он будет моим отцом. Бредни шизофреника!

Я начал собираться.

– Сережа, может, вам переночевать негде? Оставайтесь!

– Не могу, родные ждут, – соврал я.

На улице уже смеркалось. Я простился с Лукерьей, наклонившись, пожал ручонку малышу и выскочил за ворота. Чувствовал – уходить быстрее надо, иначе не выдержу и расплачусь. Это я-то, разведчик, видевший немало смертей за эти месяцы войны, терявший своих товарищей и сам убивавший врагов. Я думал, что заматерел, зачерствел душою, а оказалось – нет.

Ноги сами несли меня к вокзалу. Моего дома еще не было, а бродить в потемках не хотелось.

На путях стоял воинский эшелон. В голове состава пыхтел паровоз. До прихода пассажирского поезда ждать было долго, и я решил попробовать уехать. Прошел к головному вагону. Подошел к часовому, переминавшемуся с ноги на ногу.

– Браток, позови кого-нибудь из начальства.

– Не положено, отойди!

Я уж хотел идти дальше, как из приоткрытой двери грузового вагона выглянул военный в фуражке – явно не по сезону.

– Клеменищев, чего там?

– Вот – начальство видеть хотят. Я ему – отойди, не положено, а он...

Военный спрыгнул с подножки вагона.

– Чего хотел, земляк?

– До Москвы с вами добраться.

– Документы есть?

Я достал из кармана служебное удостоверение и справку о ранении. Военный зажег фонарик, вчитался.

– Так ты что, из госпиталя?

– Верно.

Военный вернул мне документы.

– Не положено, конечно, да ладно – полезай в вагон.

Дважды повторять мне не надо было – я быстро забрался в вагон. Внутри топилась буржуйка, но было едва теплее, чем на улице. На двухэтажных нарах лежали солдаты, кутаясь в шинели.

– Ложись, где свободно.

Место нашлось только у стенки, а она от дыхания многих людей заиндевела.

Я долго крутился, но сон не шел. Чтобы хоть как-то скоротать время, я слез с нар и подсел на корточках к буржуйке.

Наконец состав дернулся, паровоз дал гудок, снова толчок, и мимо нас медленно поплыли станционные постройки. Я смотрел в полуоткрытую дверь теплушки. Остался позади хмурый дежурный по вокзалу в красной фуражке, очередь людей с банками, толпившихся у крана в нише стены, с табличкой над ним «Кипяток», суета красноармейцев у дверей коменданта в торце здания вокзала...

Прощай, родной Ярославль! Выдастся ли мне еще когда-нибудь в этой жизни свидеться с молодой Лукерьей, крохотным Мишей? Может быть, надо было раскрыться перед Лукерьей, ведь не чужой она мне человек! Но смогла бы она воспринять появление меня – внука, считай ее сверстника, без губительного волнения, от которого и разум может помутиться? А если и поверит, что такое в жизни иногда бывает, так ведь будет удерживать меня от возвращения на

фронт, где уже убило ее Петра. Нет, подвергать риску, нарушать душевное равновесие Лукерья я не имел права.

Я снял шапку, вытер проступившие слезы, оглянулся – не видит ли кто моей слабости?

Пристроился рядом со старшим на пустом патронном ящике и протянул руки к железному боку буржуйки.

– Где ранило-то?

– На нейтралке, миной нас накрыло. Меня вот только осколком задело, а их... – я с горестью махнул рукой.

– А я еще на фронте не был.

На петлицах военного посверкивали в отблесках пламени буржуйки четыре треугольничка. Старшина, значит. И немолодой уже – под сорок.

Старшина наклонился ко мне, понизив голос, спросил:

– Страшно там?

– Страшно, – не стал я кривить душой. – Особенно когда бомбят. Убежать из окопа хочется, просто край, а нельзя. В окопе или траншее отсидеться еще можно, а если выскочил – осколками посечет. Потому спасение в одном – зарываться поглубже в землю.

Старшина слушал, думая о своем.

– Похоже, через Москву к Сталинграду нас везут. А ты немцев видел?

– Как тебя.

– И как они?

– Да такие же, как и ты – руки, ноги, голова. И заметь – не из железа они. Из такой же плоти и крови, как и мы. Так же пулей, ножом, штыком убить можно. Страшно тебе, а ты через страх выстрели в него, патроны кончились – штыком убей. Немец – он ведь тоже смерти боится. Ты свою землю защищаешь, а он как вор и грабитель сюда пришел. Вот пусть он и боится. Тем более и погода на нашей стороне. Немцу наши морозы – смерть. Техника не заводится, отказывает. И с обмундированием промашка вышла, думали быстро нас одолеть, потому теплой одеждой не запаслись, мерзнут теперь. Сильный враг, не спорю. Но после сорок первого немец уже не тот пошел, пожиже.

– Так ты с самого начала на фронте?

– Не, с июля.

– С начала и есть. Ну а награды?

Я расстегнул шинель. На гимнастерке блеснули две медали. Старшина взгляделся.

– «За отвагу» и «За боевые заслуги» – здорово!

– И у тебя такие тоже будут, только голову зазря не подставляй, а еще – думай. Приказ ведь по-разному выполнить можно. Поднимешь бездумно людей в лобовую атаку на открытой местности, а немец из пулемета р-р-р-аз – и всех положил. А может – лощина или овраг рядом, скрытно подобраться поближе можно, людей сберечь и задачу выполнить. А отступить негоже – Россия – она хоть и велика, но не безбрежна.

Так я и проговорил с ним до почти утра.

Поезд прибыл на станцию Москва-Сортировочная поздно ночью и встал. Поблагодарил я старшину за содействие, попрощался и – пешком, по пустынным ночным улицам, направился в наш батальон. По дороге только патрули встречались.

Больше мне идти было просто некуда. А это – целый военный городок. Батальон, даже пехотный, обычно не более пятисот штыков. Наш же, отдельный, в иные периоды и до двух тысяч доходил, превосходя по численности полк.

Добрался, прошел через КПП, доложил о прибытии дежурному офицеру и сразу отправился в казарму, спать. Нашел свободное место и успел поспать до пробуждения пару часов. Утром в штаб заявился, а навстречу – «товарищ Сидоров». Давно я его не видел – с того самого первого дня, когда меня с ним, раненым, сюда доставили на «эмке» из Можайского управления НКВД.

- Колесников! Рад тебя видеть живым и здоровым! Ты как здесь?
- Из госпиталя вернулся.
- Ну-ка, пошли ко мне, поговорим.

Мы зашли в кабинет. Надо полагать, звание и должность «Сидоров» имел немалые, раз в штабе у него кабинет отдельный был.

- Документы давай.
- Он прочитал мою справку и удивился:
- Так тебе после ранения отпуск положен, чего в распоряжение явился?
- Некуда больше податься, товарищ ...э...
- Подполковник.
- Да уж догадался, что не «Сидоров».
- Ситуация такая была.

– Вот что, Колесников. Поставить в строй я тебя не могу, тебе еще сил набраться надо. Давай-ка ты пока преподавателем поработаешь – курсантам боевой опыт передавать надо. На практические занятия в поле выходить не будешь. Идет?

- Так точно, товарищ подполковник, согласен.

На занятиях с курсантами я объяснял, как лучше маскироваться на местности, как переходить передовую, брать «языка». В учебниках ведь не все пишут, «наставления» по службе и инструкции не передают мелочей и нюансов, а они для диверсанта и разведчика очень важны.

В середине января 1943 года вышел Приказ наркома обороны И. В. Сталина о введении погон. Петлицы со знаками различия отменялись.

После революции 1917 года погон на военной форме не было – большевики отрицали их, как символы старой власти, царской России. Страшные реалии Отечественной войны потребовали поднять у солдат и командиров дух патриотизма, упрочить их любовь к Родине на примерах исторической славы героев России, русского оружия. Возврат погон на советскую военную форму, а также учреждение ордена Отечественной войны, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского позволяли перекинуть исторический мост от Российской Армии к Красной Армии. И на этом руководство страны не остановится. Как я знал по истории, в 1943–44-е годы учредят орден Славы, ордена Богдана Хмельницкого, Ушакова.

Вскоре к нам поступили новенькие погоны. Мои сослуживцы кинулись с энтузиазмом доводить форму до кондиции. Необычно было видеть своих сослуживцев в старой форме и с пришитыми погонами. Я сам с удовольствием пришил погоны на гимнастерку – с одним просветом и двумя звездочками. Кажется, в русской армии такие погоны были у подпоручика. Второй раз в жизни я стал лейтенантом.

Мне вспомнился выпускной вечер еще в той жизни, после окончания танкового училища. Вот так же мы меняли курсантские погоны на первые офицерские, потом обмывали по старой армейской традиции звездочки – бросали их в рюмку с водкой, водку пили до дна, а звездочки ловили ртом. Преподаватели косились, но делали вид, что не замечают вольности. Сами были такими же, так же звездочки обмывали. Но скажу откровенно – такой радости, даже восторга, как в первый раз, больше уже не было. Старшего лейтенанта потом получил, обмывал третью звезду с друзьями, но того щемящего, первого чувства уже не испытывал.

Месяц отпуска пролетел быстро в занятиях с курсантами. Я чувствовал себя уже лучше, бедро побаливало, ныло на перемену погоды, а к тупой и постоянной боли в животе я уже как-то привык или, скорее, свыкся с ней.

При выписке в госпитале, когда военврач оформлял документы, мне предлагали комиссоваться, только я настоял на продолжении службы. Чего мне на гражданке делать, когда идет война? По моим понятиям, мужик должен быть там, где трудно, где решается судьба страны. Пусть мой вклад невелик, но из таких вот маленьких побед над врагом и куется общая победа.

К тому же родни у меня нет, дома нет – куда податься, если из армии комиссуют? Армия и есть мой дом, моя семья.

В начале февраля меня вызвали к подполковнику, моему старому знакомому – «Сидорову». Как я потом узнал, фамилия его была, конечно, не «Сидоров» – это был оперативный псевдоним. Настоящая фамилия подполковника была Сучков. При заброске во вражеский тыл разведчик не идет под своей настоящей фамилией. Я тоже менял фамилию на псевдоним при заброске, и даже не один раз.

Я вошел, встал по стойке «смирно» и представился:

– Лейтенант Колесников по вашему приказанию прибыл.

– Садись, лейтенант. Мы не в армии, не надо так тянуться и сверлить меня глазами. Солдафонства, тем более показного, не люблю. Работа разведчика, впрочем, как и контрразведчика, – она не муштры требует, а глубокого мыслительного процесса. Если разведчику стрелять приходится – это плохо, стало быть, не додумал где-то.

Я молчал. Меня вызвали не для комментариев. Начальство – оно поговорить любит, и чтобы аудитория была.

– Давно я знаком с тобой, Колесников. После твоего возвращения из госпиталя не раз присматривался к тебе – не скрою.

Подполковник походил по кабинету.

– Вот что, лейтенант. То, что я тебе сейчас скажу, должно остаться сугубо между нами. Хотя и знаю – ты и не из говорливых. Скоро будет образовываться новая структура – отпочковываться от НКВД. О ее составе, численности и задачах пока рано тебе говорить. Я начинаю подбирать себе людей. Сам понимаешь – дело наше деликатное, секретное и не для белых перчаток. Я должен быть твердо уверен и полностью полагаться на тех, с кем буду служить и делать общее дело. Не исключено, что на первых порах трудно будет, поскольку дело новое, опыта недостаточно. Мне можно на тебя рассчитывать, или останешься в Особой группе?

Я не раздумывая, кивнул:

– Можно – в новом деле всегда интересно себя попробовать.

– Девка попробовала. Я ведь тебя не в теплое место зову – на печи лежать да калачи есть.

– А что, в Особом батальоне лучше? Меня ранило не в нашем тылу, и я не с дизентерией в госпиталь угодил.

– Ну-ну, не кипятись. Это я так, к слову сказал. Как здоровье? На службе никто скидок на старые раны делать не станет.

– Я и не прошу делать мне скидки.

Сучков вновь прошелся по кабинету, остановился передо мной.

– Ты вот что скажи мне, Колесников. Ты ведь ранен уже второй раз?

– Так точно, в госпитале в Вязьме лежал.

– А в личном деле справки о ранении нет. Почему?

– Тогда ведь документы так у старшины и остались, когда я вас с «товарищем Ивановым» в немецкий тыл выводил. Сами знаете, когда во вражеский тыл идешь, документы и награды сдавать положено. А в часть свою я потом так и не вернулся. Так в госпитале же запись есть.

– Хм, проверим. Еще два месяца преподавателем побудешь – у тебя хорошо получается. Пока это в моей власти, придержу тебя здесь. Все, лейтенант, свободен, а о нашем с тобой разговоре – никому.

– Так точно!

Я шел по коридору и размышлял. Вероятно, мое личное дело Сучков изучал внимательно, раз такую неувязочку обнаружил. И вдруг я замер, меня пробил холодный пот. Вот это я косяк впорол, да еще какой! По документам я Петр Колесников. После госпиталя сделал глупость – заявился в Ярославль. А ведь формально, по документам, я – муж Лукерьи. Муж, самый близкий ей человек, а она меня не узнала. Если начнут проверять глубоко, досконально,

с женой побеседуют – мне конец. Пришедшую домой похоронку можно объяснить неразберихой первых месяцев войны, ошибкой писаря в штабе – да мало ли чем еще.

Я лихорадочно начал вспоминать, говорил ли я кому-нибудь о поездке в Ярославль. Нет, в батальоне – никому. От сердца отлегло. Но все равно неувязочка остается. Лукерья в военкомат ходила, в собес. Могли записи в документах остаться. По ярославским бумагам я погиб в 1941 году, а я – в Москве, живой, и с документами погибшего. Если я муж, то почему жена меня не узнала? Почему в Ярославль поехал, если я не родственник тем Колесниковым, и еще – почему Лукерье Сергеем назвался? Если копнут – я пропал. В сказку о переносе во времени никто не поверит. Я уже достаточно прослужил в системе НКВД, чтобы не знать их методов работы.

– Ты чего здесь стоишь? – удивился писарь из штаба. – Туда иду – стоишь, обратно иду – стоишь, и все на одном и том же месте.

– Да это я так, думаю.

Писарь недоуменно пожал плечами и пошел дальше.

Как в бреду я дошел до казармы и улегся на койку. Прикидывал разные варианты, но так ничего и не решил. В итоге плюнул на все – пусть идет, как идет. В конце концов, у меня уже есть небольшой авторитет, да и на предателя я не похож. Хотя Блюхер, Тухачевский и Якир предателями тоже не были.

Последние сводки Совинформбюро радовали. Уверенным голосом Левитан сообщил, что наши войска разбили под Сталинградом армию Паулюса, а самого фельдмаршала взяли в плен. Угрозы взятия Москвы уже не было, Советский Союз, выдержав первый, самый сильный удар, смог мобилизоваться. С каждым днем на фронт поступало все больше и больше техники, боеприпасов, а главное – командиры набрались опыта, в войсках выветрился дух шапкозакидательства и нерешительности при принятии решений. Армия приобрела боевой опыт.

Но и немцы, даже получив серьезные поражения под Москвой и Сталинградом, были еще очень сильны, хребет фашизму не был сломлен. Солдаты и офицеры рейха продолжали верить в победу, у них в достатке было техники – танков, пушек, самолетов. Это только после Курской битвы, когда немцы понесут огромные, невосполнимые потери в людях и технике, их вера в победу будет утрачена, и в войне наступит перелом.

На основе расформированного Донского фронта был создан Центральный фронт под командованием Константина Рокоссовского – произошло это 15 февраля 1943 года. С этим фронтом в дальнейшем будет связана моя военная судьба.

После зимней стужи ворвалась долгожданная весна с неизбежной распутицей. Снег бурно таял, дороги развезло. В России и так с дорогами с твердым покрытием плохо, а после того, как по ним прошли танки и гусеничные бронетранспортеры, после того, как их бомбила немецкая авиация, они стали просто непроезжими. В грязи вязла гусеничная техника – что уж говорить о машинах. А на них лежала вся тяжесть переброски войск, подвоза питания и боеприпасов.

На время весенней распутицы фронты замерли. Хуже всего приходилось разведчикам. Подтаявший днем снег ночью покрывался коркой и предательски хрустел при каждом движении.

В конце апреля – после двадцатого – нас построили во дворе. Стояли строем долго, ожидая начальства. Наконец из штаба вышла группа командиров.

– Судоплатов, сам Судоплатов, – пронеслось по строю.

Нам зачитали постановление Совета Народных Комиссаров об образовании подразделения с устрашающей аббревиатурой СМЕРШ, сокращенно – от «Смерть шпионам». Управление Особых отделов выводилось из состава НКВД и передавалось в Комиссариат обороны. Руководителем СМЕРШа был назначен 35-летний Виктор Абакумов. Задачами СМЕРШа были: борьба со шпионами, диверсантами, разведчиками, обеспечение непроницаемости линии

фронта для немецкой разведки и предотвращение предательства и измены Родине в частях и учреждениях Красной Армии.

Затем кратко выступил заместитель Абакумова – генерал-майор Селивановский.

Генералы вскоре ушли, остались наши командиры. Вперед вышел подполковник Сучков.

– Я назначен командиром оперативной группы контрразведки СМЕРШ одного из участков Центрального фронта. Командир управления – полковник Ширманов Виктор Тимофеевич. Те, кого я сейчас назову, переходят в мое подчинение.

Сучков зачитал список, и в числе других я услышал свою фамилию. Я сделал шаг вперед. Всего нас набралось двадцать человек.

– Служебные удостоверения сдать в штаб и собрать личные вещи. Сбор на плацу в семнадцать часов.

Началась беготня. Сдавали документы – ведь мы уже не числились в НКВД, сдавали личное оружие. Вещей, кроме бритв, расчесок да белья, ни у кого из нас и не было. Все поместилось на дне вещмешка.

Были подогнаны два крытых грузовика, мы погрузились и выехали из Москвы. Закончился этап моей службы в Особом батальоне НКВД, начиналась служба в отделе контрразведки СМЕРШ.

Нас привезли под Елец – немного восточнее его. Недалеко – километрах в десяти – располагался штаб командующего фронтом К. Рокоссовского.

Первые несколько дней были суматошными – мы получали личное оружие, новые служебные удостоверения. Сам СМЕРШ только организовывали, много чего не хватало, да и штаты были укомплектованы не полностью.

Вскоре я получил первую боевую задачу: в составе офицерского КПП проверять и фильтровать военных на дороге Елец – Воронеж, у села Казинка.

Наша опергруппа состояла из трех офицеров. Старшим группы Сучков назначил капитана Николая Свиридова. Под его началом были старлей Андрей Никонов и я.

Мы проверяли документы у пешеходов, досматривали машины. Работа была рутинной и потому казалась скучноватой.

Остановившаяся для проверки очередную машину или группу военных, мы замечали, как вытягивались их лица при виде нашей формы, а еще пуще – слышав зловещее название службы контрразведки.

– *Здравия желаю. СМЕРШ. Предъявите документы.*

Многие не знали еще, что это за СМЕРШ такой.

А затем следовали обычные вопросы: Фамилия? Откуда и куда следуете? Что в вещмешке?

С непривычки я уставал, в глазах рябило от множества лиц и обилия документов – красноармейских книжек, служебных удостоверений, справок, командировочных предписаний, аттестатов.

Я был разочарован. Не такой представлялась мне эта работа. Ведь я – боевой офицер, нахожусь на должности оперуполномоченного контрразведки СМЕРШ. Я ожидал активной работы, погонь и перестрелок, риска, а тут – «предъявите ваши документы». Как постовой на улице. И другие офицеры СМЕРШа чувствовали себя не лучше.

Вечером, после ужина, мы сидели за столом в комнате.

– Если так будет и дальше, подам рапорт о переводе на фронт, – уныло сказал старлей Никонов.

– Не трави душу – сам об этом думаю. Документы проверять может любой сержант, тут наши навыки не нужны, – поддержал его старший нашей группы капитан Свиридов.

К нам подошел подполковник Сучков:

– Что приуныли, хлопцы? Смотрите веселее – служба только началась.

Он уселся за стол и выложил на него пачку документов.

– Прошу внимания, товарищи офицеры. Ознакомьтесь с образцами документов. Вот командировочное удостоверение. В типографии специально не напечатана точка – вот здесь. – Подполковник показал, где именно. – Такие бланки будут в ходу три месяца, потом их сменят на другие, с иным секретным знаком. Теперь – красноармейская книжка. Даю два образца. Попробуйте определить, где подлинный.

Мы так и сяк крутили, вертели и внимательно разглядывали обе книжки. На мой взгляд – так же, как и на взгляд моих товарищей, они ничем не отличались.

Видя наше замешательство, подполковник пояснил:

– Одно из удостоверений – немецкая фальшивка. Изъято у заброшенного к нам немецкого диверсанта не далее, как три дня назад. Посмотрите внимательно на скрепки – на настоящем удостоверении они тронуты ржавчиной. На немецком они блестят, потому что сделаны из нержавеющей проволоки.

Все пристыженно молчали. Раньше нам фальшивок никто не показывал. Мы и смотрели-то в основном на записи и печати, да на фото – когда они были. Ведь фотографировали в основном на удостоверения личности офицеров.

Мы изучили особенности и других документов – особенно продовольственные аттестаты. Ведь когда агент заброшен на длительный срок, без этого документа ему не обойтись. Если обмундирование и вооружение своему агенту немцы выдавали наше, ими захваченное, то без еды долго не проживешь, а с собой ящики с продовольствием таскать не будешь. Аттестаты были и другие – денежного довольствия, вещевые, но они не играли такой роли.

Долго длилась наша беседа о тонкостях оперативной работы.

– Ваше дело, товарищи офицеры, заниматься военными. Для проверки гражданских лиц есть НКВД, милиция, – наставлял Сучков. – Сейчас наша забота – обезопасить тыл Второй танковой армии под командованием А. Г. Родина. Мы не должны давать возможности действовать ни одному агенту или диверсанту. Ни одна шпионская рация не должна выходить в эфир. Каждая их радиопередача – это удар по нашей армии. Помните об этом всегда. Вопросы?

Еще с полчаса начальник отдела отвечал на наши вопросы. Мы бы задавали их ему еще – в работе было полно неизвестного, и опыт прежней работы сейчас пригодиться нам никак не мог, да Сучков сослался на нехватку времени и ушел.

Спать мы ложились с уже приподнятым настроением. Теперь хоть знаем, как смотреть документы, на что обращать внимание.

И следующим же утром ознакомление с особенностями подделок документов, преподанное Сучковым, дало результаты.

Около полудня к нашему КПП подошел младший лейтенант. Вел он себя спокойно, однако при проверке я не нашел на бланках его документов тайных знаков. Стараясь не выдать возникшие у меня подозрения, я предложил:

– Предъявите для осмотра вещмешок.

Рука моя невольно дернулась к кобуре. От внимания Прокопенко – такой была фамилия проверяемого лейтенанта – это не укрылось. Он лениво стянул с плеча вещмешок и неожиданно резко ударил меня им по лицу. Сам же бросился бежать. Стоявший недалеко старший лейтенант Никонов, видя убегающего, выхватил из кобуры пистолет. «Бах, бах», – прозвучало два выстрела, и убегающий упал. Мы подбежали к нему. Готов – из раны на затылке вытекала кровь.

– Товарищ капитан, у него документы поддельные, я вещмешок к досмотру потребовал, и вот... – сообщил я Свиридову.

– Ты чего на поражение стрелял? – обозлился старший группы капитан Свиридов. – Надо было по ногам, чтобы не ушел, а потом допросить – кто такой, почему убежал и откуда липовые документы.

– Чего же тогда сам не стрелял? – окрысился Никонов. – Если он враг, его уничтожить надо.

После звонка Сучкову за убитым пришла полуторка. Из кабины ее выпрыгнул мрачный подполковник.

– Ну что, парни? Сплоховали? Живым брать надо было! Кого теперь допрашивать – холодный труп? Непрофессионально сработали, облажались. Делайте выводы! Впредь – только живыми брать. Можете его помять при задержании, ранить в ноги или руки, но чтобы он говорить мог. Делаю вам всем, товарищи офицеры, замечание за упущения в службе. Труп – в машину!

Грузовичок с Сучковым уехал.

Вечером подполковник снова заявился к нам – причем в хорошем настроении, чего мы никак не ожидали.

– Жалко конечно, что агента убили, но он и мертвый нам полезным оказался. При нем нашли шифровальный блокнот и пачку чистых бланков различных документов. И вот что занятно – сам бы он воспользоваться всем этим и за год не успел. Отсюда напрашивается вывод: агент был явно не один, группе нес документы. Где они, какова их численность, какие задачи перед ними стоят – неизвестно. Будем над этим работать. Против нас действует целая сеть немецких – и не только – разведслужб, и в первую очередь – «Абвер», «Цепеллин», «Ваффен СС Ягдфербанд», румынская ССИ. Но мы должны их перехитрить, оказаться умнее. Не буду скрывать – немцы готовят наступление в районе Курска, их разведка сейчас активизируется и постарается нашпиговать наши тылы своими разведчиками и диверсантами. Выловить их всех и уничтожить – наша первостепенная задача! Наши бойцы и командиры не должны опасаться подлого, исподтишка, удара в спину. Посему – бдительность, осторожность, наблюдательность.

Подполковник пожелал нам удачи и ушел. Что-то раньше не слышал я от него таких длинных тирад.

День шел за днем, я и офицеры нашей группы освоились с работой. Промахов досадных, вроде убитого агента, не допускали, но и нарушений мы пока не обнаружили.

Из тыла подходили свежие части. Я с удовольствием отмечал насыщенность армии новой боевой техникой, и особенно – авиацией. Так нагло, как в 1941-м, немцы уже не хозяйничали в нашем небе. Как только появлялись немецкие бомбардировщики, навстречу им на перехват вылетали наши истребители. И не устаревшие «ишачки» И-16 и «Чайки» И-15, а современные «яки» и «лавочкины». На немецкой передовой доты и дзоты уничтожали «летающие танки» – штурмовики Ил-2, тылы бомбили пикирующие бомбардировщики Пе-2. К удивлению своему, довелось увидеть в танковых частях ленд-лизские танки «Валентайн», «Матильду», «Шерман». Танки были высокие, неуклюжие, но тем не менее танкистам они нравились.

Служба наша продолжалась день за днем без существенных происшествий – ни одного выявленного «вражеского элемента». Жизнь она ведь как зебра – полоса черная, полоса белая. В то, что немецкая сторона ослабила напор диверсионно-террористической работы, конечно, не верилось. Значит, готовят силы, и надо быть все время настороже. И нам наконец-то улыбнулась Госпожа Удача.

Мы заступили на очередное дежурство на КПП. Утро выдалось солнечным. Мы с Никоновым наблюдали с обочины за пустынной в это время дорогой, Свиридов находился в помещении. Я повернулся бедром к потоку тепла – рана еще напоминала о себе тянущей болью.

Со стороны Москвы показалась полуторка. Подскакивая на ухабах и натужно урча, она приближалась к КПП. Привычным жестом мы остановили машину для досмотра.

В кузове сидели трое военных и несколько гражданских. Один из военных – в очках и фуражке, держал на руках маленькую, лет пяти, белокурую девчушку. Когда мы попросили мужчин выйти для проверки документов, очкарик передал девочку матери и довольно ловко перемахнул через борт. За ним последовали остальные.

Подошел Свиридов.

Наша группа начала досмотр и проверку. У одного из военных на груди болтался фотоаппарат – трофейная «лейка». Они представились военными корреспондентами газеты «Красная Звезда». Документы их не вызвали подозрений, и потому старший нашей группы капитан Свиридов, возвращая проверяемым документы, козырнул:

– Можете продолжать следование.

Я посмотрел на Свиридова, едва заметно качнув головой. Меня насторожило вот что. Я проверял «очкарика», как его сразу окрестил. Обычно люди в очках, да если еще и в шляпе, вызывают некоторое уважение – наверняка умный, книжки читает, но и некоторую снисходительность – «ботаник», гвоздя забить не умеет. Так вот, с какими бы слабыми диоптриями ни были очки, они слегка искажают предметы, если те не в фокусе. При повороте головы «очкарика» мне удалось заметить, что стекла его очков не искажали предметов. Стекла в очках есть, поблескивают, но не увеличивают! А с чего бы ему носить очки с простыми стеклами? «Хамелеонов» тогда еще не знали. А военкоры уже рассовывали свои документы по карманам гимнастеров.

– Момент! – решил я. – Предъявите личные вещи для досмотра.

– Пожалуйста, – не удивился корреспондент в очках.

Моя настойчивость уже насторожила Свиридова и Никонова. Они, как бы невзначай, сделали пару шагов в сторону, чтобы я не закрывал им сектор обстрела.

Один из корреспондентов залез в кузов, подал мне три вещмешка и ловко спрыгнул вниз, встав рядом. Развязав узлы, я растянул верх мешков и проверил содержимое мешков – одного за другим. Ничего! Ничего необычного. Пачки папирос, пачки бумаги, носки, бритва в футляре и помазок – обычный набор вещей командированных. Неужели прокол?

– Это все вещи? – выпрямившись, спросил я.

– Все, – спокойно ответил военкор в очках.

– Ой, товарищ начальник, – уж простите, не знаю вашего звания, тут еще ихний мешок есть, – подала голос из кузова женщина, мать маленькой девчушки.

Это уже интересно. Почему они не предъявили его к осмотру? Я не поленился и залез в кузов. Женщина сидела на мешке военного, прикрывая его длинной юбкой. Со стороны – так даже и не видно.

Я взялся за мешок – опа! В нем явно прощупывалось что-то жесткое и квадратное, обложенное по периметру тряпьем. И только я взялся за горловину мешка, как на дороге прогремел выстрел.

Выхватив из кобуры пистолет, я рванулся к борту. Свиридов и Никонов стояли с пистолетами в руках, а напротив, схватившись за предплечье, корчился от боли один из «корреспондентов» – на рукаве его гимнастерки расплывалось кровавое пятно.

– Личное оружие – на землю! – твердо сказал Свиридов.

Троица нехотя подчинилась. Расстегнув кобуры, они медленно достали пистолеты и бросили их на землю.

– Никонов, обыщи! Колесников, страхуешь.

Оружия у «корреспондентов» больше не оказалось. Их связали.

– Вы ответите за самоуправство! – заявил «очкарик».

– Даже извинюсь, если ошибся, – ответил капитан. – Что там у тебя?

Вопрос был ко мне.

– Не успел еще досмотреть, товарищ капитан.

Я развязал горловину вещмешка и обнажил его содержимое. Рация! В сером металлическом корпусе, немецкий «Телефункен»!

– Да здесь рация! – воскликнул я, посмотрев на корреспондентов.

– Никонов, ну-ка – давай ее сюда! – распорядился Свиридов.

Я прихватил вещмешок, сунул в него рацию, передал ее Никонову и спрыгнул на землю. Свиридов подошел к водителю грузовика:

– Ты их знаешь?

– Нет! – испуганно замотал он головой. – Полчаса назад подобрал, подбросить просили.

– Проверим. Записываю твои данные. Если обманул – будешь отвечать как пособник врага. Можешь ехать, – махнул рукой Свиридов водителю.

– Девоньки, осторожнее с попутчиками! А то такие вот – на ящик с минами посадят, а вы и знать не будете. Про бдительность помните! – крикнул я вдогонку.

– Ну, товарищи «корреспонденты», рацию в вещмешке вы как объясните?

– Это не наш вещмешок, – спокойно ответил «очкарик».

– Я что, по-твоему, сам его в кузов подбросил? – начал выходить из себя Свиридов.

Мы вызвали оперативную машину. Усадив в нее задержанных и уложив вещи, отконвоировали в штаб, к Сучкову.

Наскоро объяснили ситуацию. Запоздало, но я снял очки с задержанного, надел на нос и поднес к лицу газету. Они ничуть не увеличивали буквы, и стекло на ощупь было ровным.

– Верните мне очки, я без них плохо вижу, – заявил «очкарик».

– Не хуже меня, – отрезал я.

Подполковник решил подыграть мне:

– Зачем вам теперь очки? По законам военного времени вражеских агентов положено расстреливать. Разве у вас не так?

– А доказательства вины?

– А рация? Военно-полевой суд сочтет рацию «Телефункен» довольно веским доказательством. А очки без диоптрий? Объясните, зачем они вам? Объясните, зачем корреспондентам уважаемой газеты рация? Не слышу ответа!

Задержанные угрюмо молчали.

– Увести задержанных в камеры, каждого держать по отдельности.

Бойцы из комендантского взвода увели задержанных.

– Хвалю за наблюдательность, товарищи офицеры! Похоже, на этот раз к нам попала крупная рыбка. Никонов, бери «Лейку» этого «корреспондента» и – быстро проявить фото- пленку. Чего там они наснимали? Свиридов – звони в Москву – в редакцию. Надо узнать, есть ли у них такие сотрудники. Если есть, когда и куда их направляли в командировку?

Через час проявили фотопленку. На еще мокрой пленке были видны танки, разгружаемые с платформ на какой-то станции. Расчет был, видимо, на то, что при проверке документов с проявлением пленки никто связываться не станет.

Дозвонился Свиридов и до редакции. Оказалось, что сотрудники такие в «Красной Звезде» были, но их описание никак не соответствовало нашим задержанным – ни по возрасту, ни по особым приметам. Похоже, агенты где-то познакомились с настоящими корреспондентами и, воспользовавшись их документами и личными вещами, наверняка их убили. Не дождется редакция своих сотрудников из командировки.

Когда Свиридов закончил доклад, повисла тишина.

Сучков затянулся папирсой:

– И что вы по этому поводу думаете, товарищи офицеры?

Я начал сопоставлять в уме факты. Мне, например, было понятно почти все: зачем изъяли у настоящих корреспондентов документы – агентам ведь нужны были подлинные, и для чего радиостанция. Неясно только – зачем нужно было фотографировать? По рации фотографии не передать, это не сотовый телефон XXI века. Меня внезапно озарило.

– Товарищ подполковник! Эта группа самолета будет ждать.

– Ну-ка, ну-ка, с чего ты взял, Колесников?

– Если они фотографировали танки и другую военную технику, то зачем? Не иначе – пленку хозяевам своим передать хотели, в подтверждение своей деятельности и подтягивания наших резервов. А как они это могут быстро сделать? Да только самолетом! А заодно их группу эвакуировать, или новых прислать на подмогу. Да и местность здесь подходящая – равнинная, самолет посадить есть куда, рация для передачи координат тоже есть.

– Интересный вывод, попробуем использовать при отработке версии.

Для допроса привели первого задержанного – того самого «очкарика». Глядя на него, я еще раз убедился – никакой он не «очкарик». Обычно такие люди без очков выглядят как-то беззащитно, шуруются. Ничего подобного на лице задержанного я не увидел.

Начали его допрашивать, но «очкарик» упрямо стоял на своем:

– Мы корреспонденты, про рацию знать ничего не знаем.

Тогда Сучков упомянул о проявленной фотопленке.

– Чего тут странного? – воскликнул «очкарик». – Мы же должны дать в газету снимок, показать мощь нашей армии.

– Я полагаю, что вы немецкий агент и ищите посадочную площадку для аэродрома, – надавил подполковник.

Но агент упрямо все отрицал.

– Ну, раз вы продолжаете упорствовать, вы мне больше не нужны. Мне придется вас расстрелять! – заявил Сучков.

– Не имеете права! Без суда это незаконно.

– Законно! По законам военного времени врага, взятого с оружием, можно расстреливать. И это не противоречит Женевской конвенции.

– Я хочу написать жалобу.

– Пожалуйста, вот вам бумага. Но казни она не остановит.

Подполковник подмигнул мне, пока задержанный карябал бумагу.

– Вот, возьмите, – «корреспондент» протянул бумагу Сучкову.

– Колесников, те двое поразговорчивее, потому этого – в расход. Выводи!

– Так точно, товарищ командир.

Я вытащил из кобуры пистолет.

– Выходи, руки за спину.

Задержанный, оглядываясь, медленно пошел вперед. За дверью стоял боец с винтовкой.

– Пошли со мной.

Мы вышли из здания.

– Стоять!

Я обратился к бойцу:

– Жалко пули на гада тратить. Принеси мне топор.

Боец побледнел, глянул растерянно.

– Где же я его возьму?

– Сбегай в хоззвод, только мухой: одна нога здесь, другая – там.

Боец убежал.

Только сейчас до агента начал доходить весь трагизм его положения. Люди вообще боятся топоров. Понятно, что и нож и пистолет убьют одинаково. Но топор кажется чем-то предельно жестоким, наверное – гены сказываются, еще со средневековых времен, когда казнили отрубанием головы или четвертованием.

– Вы что хотите делать топором? – настороженно спросил задержанный.

– Голову тебе отрубить и в самолет погрузить, которого ты ждешь! – нарочито грубо бросил я. А чего церемониться с человеком, которого через пять минут все равно убьют?

В глазах агента метнулся животный страх. Гляди-ка, проняло!

– Я наслышан о зверствах в сталинских застенках. Но дайте мне умереть достойно – как солдату!

– Какой ты солдат? Ты шпион! Собаке – собачья смерть!

Конечно, в наши планы не входило убить «очкарика», но необходимо было сломить его волю и добиться показаний. Причем – быстро!

Вернулся боец с топором. Собственно, это был даже не топор, а колун. Узкое лезвие на длинной рукоятке выглядело угрожающе. Я демонстративно попробовал пальцем его остроту.

– Туповат, да ладно – на один раз сгодится. Пошли.

Боец взял винтовку на изготовку. Задержанный, увидев, что мы не шутим, упал на колени и заплакал. Это оказалось неожиданным для нас.

– Пощадите! Я все расскажу, только сохраните мне жизнь!

– Вставай, сука! Живи пока! Но, если ты врешь и на допросе будешь продолжать молчать или нести ахинею о работе в редакции – прямо в кабинете, как чурку, остругаю, – нагнетал я страсти.

Мы повернули назад – в штаб. Впереди шел боец, за ним – агент, потом – я. В правой руке я держал пистолет, в левой нес колун.

Мы зашли в кабинет Сучкова. Я демонстративно поставил у входа колун. Подполковник от удивления округлил глаза.

– Вот, товарищ командир. Не выполнил я ваш приказ. Задержанный одумался, хочет покаяться и все чистосердечно рассказать – в обмен на жизнь.

– Ну-ну, послушаем.

И тут «очкарика» понесло. Оказалось – он не русский, завербованный гитлеровцами, а самый настоящий немец – майор Абвера Карл Штольц. Я чуть не присвистнул. Вот ведь гад, а по-русски говорит чисто, даже без намека на акцент.

Оказалось, в тыл к нам заброшено шесть диверсионных групп по три человека в каждой. Цель у всех одна – убить генерала Константина Рокоссовского, командующего фронтом. Пославшая диверсантов служба немецкой разведки рассчитывала перед летним наступлением обезглавить руководство фронта. Конечно, свято место пусто не бывает – назначат и пришлют нового командующего. Но пока он освоится, уйдет драгоценное время.

Штаб командующего был и в самом деле недалеко от нас – километрах в десяти. И расчет немцев казался правильным – кто откажет корреспондентам «Красной Звезда» в интервью? А уж дальше – дело техники. Выстрел или нож и – скрыться. Правда, я сильно сомневаюсь, что им удалось бы уйти, но покушение совершить они могли.

Штольц рассказал о том, что готовили их в Полтаве, указал, где находится уже найденная ими посадочная площадка для самолета. Он сдал двоих своих «лжекорреспондентов» – сообщил о том, как они убили настоящих сотрудников газеты и где спрятали тела. Единственное, чего не смог сказать нам Штольц, – как выглядят остальные пять групп, поскольку он никогда не видел тех диверсантов в лицо. Другие группы готовили в других разведшколах – Виннице и Варшаве.

Были допрошены двое других диверсантов. Они были моими соотечественниками, завербованными немцами из военнопленных, и ничего нового после Штольца сообщить не могли.

Ввиду важности полученных сведений Сучков стал звонить командующему управления контрразведкой СМЕРШ Центрального фронта полковнику Ширманову.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Вас Сучков беспокоит. Взяли группу немецких диверсантов. Очень уж интересные сведения у них. Что? Да, думаю, срочно! Слушаюсь, Виктор Тимофеевич! Да, посадку самолета обеспечим.

Сучков положил трубку:

– Полковник сказал – самолет вышлет за арестованными.

Ближе к вечеру на поле за деревней сел «Дуглас». Его уже поджидали «эмки» контрразведки. Дверца самолета открылась, и пилот, не выключая моторов, опустил лесенку. В кабину поднялись Сучков с группой арестованных диверсантов, сопровождаемых охраной, и самолет взмыл в небо.

Как потом мне стало известно, их доставили в Москву, и после пристрастного допроса протоколы его легли на стол заместителю Абакумова, генерал-майору Селивановскому. И завертелась машина... На ноги и на уши были поставлены все фронтовые и армейские СМЕРШ, НКВД. Были удвоены контрольно-пропускные пункты, на каждом шагу досматривали документы и вещи подозрительных лиц. Однако усилия многочисленных кордонов результата не приносили. А неумолимое время уходило, как вода в песок. Трагедия могла произойти в любой момент. Я заметил, что в последнее время и Сучков, недавно вернувшийся из Москвы, хмурится.

После трудного и суматошного дня наша группа улеглась спать.

В середине ночи я проснулся – в комнате было накурено. На соседней койке ворочался и вздыхал Свиридов.

– Ты чего не спишь, Николай?

– Не спится, Петр. Все думаю: вот, мы втроем на КПП стояли, а насчет очков у агента только ты сообразил. Скажи – почему?

– К мелочам присматривался.

– Вот! А я ведь старше тебя по званию и возрасту, а сразу не сообразил – упустить могли гадов! Это я, как старший группы, должен был внимание на очки обратить.

Мне показалось, Свиридов переживал.

– Брось, Николай. Еще не одного агента удержишь – война не завтра закончится.

– Ага, мы перехватили только одну группу – остальные где?

Я раньше и сам об этом думал. Насторожиться другие группы не должны были – каждая действовала обособленно. Готовились они в разных местах, заброшены были порознь, и потому диверсанты друг друга в лицо не знают. Так было сделано специально – если одна группа провалится, это не приведет к срыву задания. Как щупальца у гидры: отрубил одно – действуют остальные.

– Вот что, Николай, я думаю. Главное – мы узнали от Штольца, что группа не одна. Так?

– Так. И что отсюда проистекает?

– А то! Цель-то у них одна, и о провале одной группы они не знают.

– Разжуй, а то до меня что-то не доходит.

– И до меня тоже, – раздался в темноте голос Никонова. Он откинул одеяло и сел на кровати, желая подключиться к нашему разговору.

Выходит, мы все трое не спали.

Вдохновленный интересом коллег, я принялся рассуждать:

– Коли задача и цель у них одна, то где они в ближайшее время будут? У штаба Рокоссовского! Конечно, можно их попытаться на дальних подступах перехватить, но мы не знаем, группой они передвигаться будут, или поодиночке, и какие у них документы прикрытия. Не факт, что у них с собой рация будет – могут припрятать. Но одно несомненно – они все соберутся у штаба фронта, как мотыльки на огонь слетаются.

В комнате повисла тишина. Первым нарушил ее Свиридов:

– Ты что – предлагаешь перебраться поближе к штабу Рокоссовского?

– Именно.

– Штаб в деревне стоит, охраны там и без нас хватает.

– Кого? Бойцов из комендантского взвода? Навыки у них не те. Думаю, своей базой группы будут избирать Елец. Вот скажи, Андрей, – обратился я к Никонову, – где легче спрятать лист или еловую шишку?

– В лесу.

– Вот! Елец все-таки город, народу много, гражданских полно. У военных людей документов больше – удостоверения, аттестаты и разное другое. А у гражданских и паспорта не у всех.

– Так ты думаешь, они под гражданских маскироваться будут?

– Не факт. В форме проще ближе к штабу подобраться. Но Рокоссовский ведь не только в штабе сидит. Наверняка в гости выезжает. У диверсантов, на мой взгляд, два варианта: или совершить покушение в штабе, или, что вероятнее всего, – на дороге, на машину командующего.

– Что предлагаешь? – подал голос Свиридов и вновь задымил папиросой.

– Николай, хоть окно открой – дышать уже нечем, – это не выдержал Андрей из своего угла.

– Думаю, надо утром к подполковнику идти, предложить оперативную разработку. Нашей группе не на КПП бы сейчас стоять – пусть этим милиция или НКВД занимаются. Нам недалеко от штаба фронта засады в укромных местах сделать надо, и вокруг крутиться – обстановку под контролем держать. Если нападение готовиться будет, агенты место выбирать начнут, подставятся, и вот тут мы их и заметим.

Я помолчал, раздумывая. Вроде должно получиться. Но надо еще на свежую голову помозговать.

– Хлопцы, давайте спать. Чувствую я, непростой день у нас завтра будет.

Утром мы встали невыспавшиеся, но с хорошим настроением. Умылись, перекусили и – к Сучкову. Доложили ему наши ночные соображения. Задумался командир, походил по кабинету.

– Резон в этом есть. Не скрою – у меня у самого такие размышления были. Кстати, сообщая вам для сведения, что одну группу диверсантов уничтожили – вчера, недалеко от Липецка.

Мы переглянулись – далековато забрались диверсанты. Я кашлянул:

– А подробности известны?

– Пока нет. Вот что, предложения ваши я обмозгую с начальником фронтового СМЕРШа. Рокоссовский предупрежден, однако поездки свои он отменять не собирается. Охрану усилил. Впереди его машины «Виллис» с автоматчиками следует. Все, товарищи офицеры, пора на службу.

Мы ехали на полуторке к КПП, а я думал: «Виллис» с автоматчиками – это хорошо. Но в этот джип только четверо сядут, считая водителя. Автоматчик хорош, когда открытый бой идет: вот наши, а вот – немцы. Диверсанты – не армия, форму немецкую не наденут и строем не пойдут. Автоматчики, пусть и боевые, но ребята рязанские или архангельские и к каверзам не привычные». И чем больше я размышлял, тем сильнее утверждался во мнении, что прав – без прикрытия нашей спецгруппы не обойтись, и действия ее надо переносить ближе к штабу командующего фронтом.

День прошел, можно сказать, буднично. А вечером, едва мы вернулись с поста к себе, нас вызвал Сучков.

– Садитесь, товарищи офицеры. Обсудил я там, – палец его поднялся вверх, к потолку, – ситуацию. Решили вашу группу, поскольку вы инициативу проявили, передислоцировать поближе к штабу фронта. Осмотрите местность, определите наиболее удобные для засады места, в общем – действуйте по обстановке. Даю вам полную самостоятельность. Но! Если произойдет нападение и командующий фронтом пострадает, не сносить вам головы.

Он строго оглядел нас и продолжил:

– В штабе фронта явитесь к командиру взвода охраны и начальнику разведки. Оба они уже в курсе вашего там появления. Конечно, хотелось бы полной секретности, только ведь и вас самих могут принять за этих самых диверсантов и перестрелять.

– Товарищ подполковник – насчет «перестрелять». Нам бы хоть один автомат на группу. Неизвестно, как может сложиться ситуация, а с пистолетом не больно повоюешь, – заметил Свиридов.

– Ты что там – боевые действия решил открыть? Ладно, возьмите в «оружейке», да только без фанатизма, чтобы не с головы до ног ими обвешаться.

Мы нашли сержанта из «оружейки» и взяли по автомату каждый. Я еще и «ТТ» свой заменил на немецкий «Вальтер Р-38».

К ношению трофейного оружия в СМЕРШе относились терпимо. Не одобряли, косо смотрели, но не запрещали. Вроде и хорош «ТТ» – мощный, но в оперативной работе уступает «Вальтеру». Наш «Тульский Токарев» не имеет самовзвода. В ситуации боестолкновения, когда счет идет не на секунды даже – на мгновения, немецкий пистолет имеет преимущество. Нажал на спуск – выстрелил, а «ТТ» требуется сначала взвести. И еще у «ТТ» была досадная неприятность – иногда самопроизвольно выпадали из рукояти магазины. Хорошо, если владелец пистолета вовремя мог это заметить, – а если в горячке боя? Остаться фактически безоружным – значит погибнуть.

Очень неплох и «наган», но патрон слабоват, и перезаряжать долго. Зато безотказен и бьет точно. Его некоторые офицеры носили как запасное оружие.

Автоматы мы взяли наши – ППШ, проверили, к каждому – по паре заряженных дисков прихватили. Не в немецкий тыл идем, потому с немецкими МР-40 смотрелись бы странно.

Утром мы погрузились на «смершевскую» полуторку и отправились в штаб фронта. Несмотря на тряску – водитель виртуозно рулил по дороге, объезжая ямы, – у всех было приподнятое настроение: наконец-то перешли от планов к делам!

Через полчаса тряски по пыльной дороге уже въезжали в село. На въезде нас остановили, проверили документы.

Штаб можно было определить сразу. Располагался он в здании бывшей школы. Рядом с ним стояла крытая машина с радиостанцией, а к самому зданию вели многочисленные телефонные кабели. Вокруг ходила охрана. Автоматчики – как на подбор – молодые парни, что называется – «кровь с молоком».

Мы доложились о прибытии начальнику разведки. Ему было явно не до нас, и он махнул рукой:

– Будет что нужно от меня – обращайтесь.

Командир взвода охраны, младший лейтенант в возрасте явно из запасных, нашему прибытию тоже не слишком обрадовался.

– У меня тридцать автоматчиков, все – парни хоть куда, любого немца в капусту покрошат. Но коли начальство так распорядилось, надо исполнять. Что от меня требуется? – недовольно спросил он.

– Комнатушку бы нам для жилья, да со взводом познакомиться надо. Солдаты нас в лицо знать должны, а мы – их, чтобы друг друга невзначай не пострелять.

– Это можно.

Лейтенант построил взвод и представил нас как спецгруппу, не сказав, однако, что мы из СМЕРШа. Мы прошли вдоль строя: в лица взгляделись, себя показали. Потом командир провел нас в одну из изб.

– Баба Маня, постояльцев вот к тебе привел – принимай.

Мы оставили в комнатухе «сидоры» и сразу вышли.

– С чего начнем? – Свиридов хоть и старший группы, но с недавнего времени советоваться с нами начал.

– С дорог, – в один голос сказали мы оба.

– Все вместе пойдем? Или каждый себе участок возьмет?

– Сам решай. Ты старший, тебе и отвечать.

Мы решили идти вместе: что ускользнет от взгляда одного, может заметить другой.

Должен сказать, что я не очень удивился прохладному приему в штабе фронта. Наша организация новая, недавно вышедшая из недр НКВД. Бродят, слоняются офицеры, документы проверяют. «Дармоеды и нахлебники» – считали в армии, хотя и побаивались. Уважение к нашему ратному труду уже потом пришло.

Глава 2

От села, где расположился штаб фронта, отходили три грунтовые дороги. Надо было обследовать их все, по крайней мере – до ближайших населенных пунктов.

Мы выбрали наугад одну из дорог и пошли по ней.

По обе стороны расстилалась ровная степь, и укрыться было решительно негде. На этой дороге сразу поставили крест.

От усталости ноги гудели – столько километров пешком прошагали, а еще столько же – обратно до села добираться. Едва успели к сумеркам вернуться назад, в комнату бабы Мани. Устали так, что идти есть не было сил, хотя до кухни – метров двести. Только после пройденных десяти туда и столько же обратно километров даже эти сотни метров казались испытанием.

Спали как убитые. По-моему, я проснулся в той же позе, что и лег вчера. Сдавать начинаю, что ли? Или стареть? В разведке, в тылу врага, за ночь, да еще и с грузом, больше проходил.

Но утром умылись – и усталости как не бывало.

По продагтестатам на кухне наелись до отвала – за вчерашнее и сегодняшнее число, поскольку каждый не без основания думал, что пообедать, а может быть и поужинать, не придется.

Сегодня мы пошли на юг. Были рядом с дорогой пара небольших балок и чахлая рощица, в которой и укрыться почти невозможно. Сообща мы решили, что засаду здесь устроить можно, но затруднительно. Балки неглубокие и с дороги хорошо просматриваются – автоматчики настороже будут.

Отшагать сегодня нам пришлось меньше.

На следующий день мы начали обследование последней грунтовки. Вела она на восток, в наш тыл. Психологически это расслабляет. Человек так устроен, что если направляется в сторону врага – мобилизуется, а если в тыл, то чего напрягаться попусту? И местечко для засады быстро нашлось. Дорога изгиб плавный делала – справа, на внешней стороне поворота. Холмик небольшой – не больше трех метров в высоту, однако же видно с него километров на пять. Сам поднимался и убедился – обзор хороший. А с внутренней стороны – слева – небольшое болотце, даже можно сказать – огромная лужа, поросшая осокой.

– Если где засаду и делать, так только здесь, – разглядывая холм, уверенно сказал Свиридов. – Диверсанты, если у них мозги правильно работают, такое место для нападения не упустят.

– Холм лысый, деревьев нет. Голову спрятать не за что, – возразил Никонов.

– Долго ли ямку вырыть и дерном ее замаскировать? Самому из нее не высовываться, а когда передняя машина с охраной проскочит – подняться да огонь открыть. Прохождение машины на слух определить можно. Лично я бы так сделал, – возразил я.

– Хорошо, с местом засады для диверсантов определились. Но холмик этот – он и им на руку играет. С него видно далеко, незамеченным не подберешься, – рассудил Свиридов.

– Николай, а болотце на что?

– Ты что же, предлагаешь нам в болоте лежать и агентов ждать? Днем в болото не полезешь, стало быть – утром, затемно еще туда лезть надо, и вечером, в потемках, выбираться. Ты обмундирование сроду потом не отстираешь!

– Предложи лучше!

– Пожалуйста. Надо выпросить у Сучкова полторку – даже мотоцикл с коляской. Если увидим, что Рокоссовский по этой дороге поехал – обогнать его машину и закидать холм гранатами.

Все задумались. Резон в этом был. Наша задача была – не дать убить командующего, а уж возьмем мы при этом агентов в плен или порешим их на месте – такого условия не было.

Я был целиком за свой план – ждать агентов в болоте. Неприятно, конечно, – сыро, грязно, неудобно, но я считал, что так агентов можно будет взять на стадии подготовки. А готовиться они должны: провести разведку местности, найти удобные места для засад, обустроить их, принести оружие, замаскироваться. Конечно, если они грамотные – а я в этом не сомневался. Ведь агентам надо совершить покушение и уйти живыми. Это – их задача, а моя задача – всемерно помешать осуществлению этих замыслов.

Мы начали спорить, каждый доказывал свою правоту. Капитан Свиридов отстаивал вариант с гранатами, я же был за вариант с болотом. Старлей Никонов колебался. В конце концов решили задействовать оба варианта.

– Сам предложил болото – сам и выполняй. А я с Андреем раздобуду мотоцикл и гранат побольше.

Мотоцикл с коляской – трофейный БМВ – удалось выпросить в комендантском взводе под честное слово на неделю. А гранаты – целый ящик – выделил взвод охраны.

– Рыбу глушить вздумали, что ли?

– Где? – растерялся Свиридов.

– А где и все – на Дону или, на худой конец, на притоке его, Сосне. Она аккурат посередине между Ельцом и Талицей протекает.

– Нет, нам для дела.

– Ага, для дела в тылу – ящик гранат! Не забудьте рыбкой поделиться, – сержант из взвода охраны хохотнул.

Утром следующего дня Свиридов с Никоновым остались при штабе. Они хотели договориться с командиром взвода охраны, чтобы им заранее сообщали о всех передвижениях командующего. Я же нацепил на пояс саперную лопатку в чехле и отправился к предполагаемому месту засады. И чем ближе я подходил к болоту, тем меньше мне нравилась моя затея. Вдруг командующий не поедет по этой дороге неделю, две? Да я в болоте сгнию, комары и прочая гнусь закусает – да был бы прок! Может оказаться – впустую. Тогда от болотной грязи и в прямом и в переносном смысле не отмоешься. До конца службы вспоминать будут, а уж прозвище какое-нибудь дадут обязательно – вроде Лешего или Водяного. В СМЕРШе язык у офицеров острый.

Я подошел к изгибу дороги, поднялся на холмик, осмотрел его – не изменилось ли чего, и спустился к болотцу. Невелико оно – метров около ста в диаметре. Обошел я его кругом и наткнулся на небольшой ручеек, что впадал в болото и не позволял ему пересыхать летом. Скорее всего, это даже не болото, а мелкий пруд.

Метрах в тридцати-сорока от дороги саперной лопаткой я вырезал кусок дерна, вырыл ямку, а землю в болотце сбросил. Снял обмундирование, скатал в рулон и уложил в ямку, туда же и сапоги сбросил. Сунул в ямку и саперную лопатку. Хороша лопата – сам выбирал, и наточил, как бритву. В любом рукопашном бою фору штыку дает. Легкая, в руке удобно сидит, рубит – что твой топор.

Я прикрыл ямку дерном, отошел и полюбовался делом своих рук. С трех шагов в глаза не бросается, а с десяти – вообще не заметишь. Только вот трава кололась – отвыкли ноги босиком по земле ходить.

Я постоял секунду в раздумье, махнул рукой и стянул трусы. Неохота потом в мокром ходить. Со стороны видок был еще тот – голый мужик с пистолетом в руке.

Подняв пистолет, зашел в болотце, ощупывая ногами дно. В самом глубоком месте мне по пояс было. Что неприятно – осока ноги режет, и не жарко. Видно, ручеек холодный, а может, и ключ родниковый снизу бьет.

Я зашел в гущу осоки – там мелко, и вода теплее. Через листья осоки участок дороги и холм виден. Улегся в грязь, ровно кабан лесной, дикий, и стал ждать. Солнце сверху припекает, снизу вода холодит. Руку с пистолетом на весу, над водой приходится держать. Попадет грязь – отказать может в нужный момент.

В небе жаворонки поют, цикады в траве верещат – полное умиротворение.

По дороге за полдня лишь бензозаправщик проехал да полторка прогромыхала с ящиками в кузове. Никто не остановился.

К вечеру я замерз, тело начала бить дрожь, опять заныло раненое бедро. Едва дождавшись темноты, я чуть ли не бегом кинулся к ручейку. Обмылся от болотной грязи и – к тайнику своему, где обмундирование лежало. А найти в темноте не могу, хоть убей! Стал руками траву хватать и на себя дергать. Со стороны – умора, да только мне не до смеха было.

Когда я уже почти отчаялся, кусок дерна поднялся. Я оделся, обулся и – бегом по дороге в село. Пока бежал, согрелся.

А у бабы Мани товарищи мне на стол котелок поставили с борщом – теплым еще. Умял я борщ, за ним – кусок жареной рыбы с картошкой, горячего чайку попил, а потом еще – стакан водки. Чувствую – потеплело внутри, отпустило.

– Замерз? – участливо спросил Андрей.

– Ключ в болоте холодный, задубел совсем.

– Сам напросился, – напомнил Свиридов, – потому – терпи.

Наутро после завтрака я снова направился к болоту. Сразу уложил обмундирование, и небольшой камешек сверху положил, чтобы схрон приметить, памятуя вчерашние свои поиски в темноте.

Улегся в болотце на прежнее место.

Часа два прошло спокойно, без происшествий. И тут на моих глазах начали разворачиваться события.

Сначала телега проехала с местным колхозником. Медленно ехала, возничий лошадь не подгонял, по сторонам поглядывал. Странно мне это было видеть – местные на давно знакомые места не озираются. А этот – как будто ищет чего-то. Но не остановился, мимо проехал.

«ЗИС-5» военного выпуска с одной фарой проследовал. В кузове солдатики весело галдят – петлицы голубые. Я вспомнил – аэродром же неподалеку, вот и бензовоз вчерашний оттуда же.

Часа через два мотоцикл с коляской проехал – с двумя военными. Проехал и вернулся вскоре. Я обратил внимание, что к заднему сиденью мотоцикла была привязано несколько свежесрезанных веток. Любопытно!

Я стал наблюдать за их действиями, стараясь не упустить ни одной мелочи.

У холма остановились. Заглушив мотоцикл, они огляделись по сторонам. Потом один из мотоциклистов на холм взбежал, а второй вытащил саперную лопату и стал проворно яму рыть на обочине. Потом достал из коляски увесистый мешок и опустил в эту яму. Поковырялся, протянул провод на холм и быстро-быстро яму землей присыпал и притоптал. Потом пыль с дороги собрал и свежую землю припорошил. Теперь обочина ничем не отличалась от других участков дороги. Я обомлел – никак взрывчатку заложили! Значит, не прогадали мы, одна из групп здесь решила диверсию провести.

Только мне себя обнаруживать рано. Я во все глаза смотрел, что будет дальше.

Оба мотоциклиста на вершине холмика сняли дерн и вдвоем, живо, вырыли саперными лопатками еще одну яму. Один из них пошел к мотоциклу и вернулся с ветками. Приготовленные ветки положили поперек ямы, а сверху накрыли дерном. Теперь понятно, для чего им ветки понадобились!

Из болотца я видел не все, но по действиям догадаться можно было. Диверсанты спустились вниз, завели мотоцикл и укатили.

Я выждал немного и приподнялся из болотца. Вокруг было тихо.

Выбравшись на дорогу, я руками разрыл яму. В ней лежали шашки с толком, и маркировка была наша, советская. К детонатору провода подсоединены. Вытащил я детонатор из толовой шашки, провода с него оборвал, а детонатор в болото закинул. Провода снова в яму опустил и землей присыпал, а сверху – пылью. Внешне все выглядело абсолютно так же, как и было. Ну, теперь флаг вам в руки и электричку навстречу! И морды я ваши запомнил.

Я отбежал к болоту и снова погрузился в него. Как вовремя! Не прошло и часа, как мотоциклисты вернулись. Они вытащили из коляски пулемет – советский ДП и спрятали его в яме на холме. Один из них прошелся вдоль провода, что с холмика к дороге тянулся, кое-где прикрыл его травой, где-то – землей присыпал. Потом вышел на дорогу, осмотрел холм. Видимо, работой остался доволен.

Оба агента – а в том, что они агенты, я теперь нисколько не сомневался – сели на мотоцикл и уехали. Приезжали они со стороны Талицы. Где-то там и аэродром нашей 16-й воздушной армии располагался.

Едва дождавшись вечера, я вымылся у ручейка, оделся и – бегом к селу.

Видя мою довольную физиономию, оба сослуживца попытались подступиться ко мне с расспросами:

– Что, новости есть?

– Потом – подхарчусь сперва, – с видом заговорщика подмигнул я.

Ребята обступили меня и терпеливо ждали в предвосхищении интересных сообщений.

Наевшись, я не спеша пересказал все детали увиденного. Восторгу моих товарищей не было предела.

– Проявились, гады! – обрадовался сначала Свиридов. Однако потом озаботился: – Но ведь это только одна группа! Сколько их, говоришь, было?

– Двое на мотоцикле. Еще возникий на телеге перед этим проехал. Но, может, он и не из их группы, а действительно местный.

– Одну группу – со Штольцем – мы обезвредили. Вторая – проявилась, значит – надо ждать активных действий. Вот только другие группы где?

– Николай, мы здесь за наш участок отвечать должны. За другие направления пускай головы у НКВД и милиции болят.

– По большому счету – одно дело делаем.

– Да нам бы эту группу не прос...!

Проснулись мы, едва рассвело, от стука в окно.

За окном стоял командир взвода охраны.

– Хлопцы, вы предупредить просили. Так вот, – он понизил голос, – на Талицу, в воздушную армию, сегодня штабные машины пойдут, на восемь утра намечено.

Мы поднялись, как по тревоге. Уже у двери я задержал Свиридова за рукав:

– Подожди, Николай. Тебе не кажется странным такое совпадение – агенты зашевелились как раз перед поездкой командующего.

– Да, действительно совпадение!

– Думается мне – в штабе, среди комендантских, крота-предателя поискать надо.

– Вернемся к этому позже. А сейчас действуем, как раньше договаривались. Мы, как только увидим, что командующий выезжает, – сразу же по газам, и холм гранатами забрасываем. А уж ты действуй по обстановке.

И я снова побежал к этому проклятому болоту. Единственное, чего я боялся, – так это опоздать. Прибегу, а диверсионная группа уже там.

Но я успел.

Разделся за считанные секунды. Бр-р, зябко, однако. Солнце только оторвалось от горизонта, а мне – в холодную воду лезть. Пока раздевался, в голову идея пришла, неожиданная и очень интересная.

Я огляделся – вокруг было тихо и пустынно. Бегом поднявшись на холм, я поднял дерн, отсоединил диск от пулемета и выщелкнул из него все патроны. Диск на место поставил и дерн уложил, как было. Патроны собрал, пересчитал, чтобы впопыхах не оставить где-нибудь, и так же бегом вернулся к болоту. Бросив патроны в воду, я улегся на прежнее место. И тут обнаружил, что нет пистолета. Выскочил к дороге, а он на обочине лежит. Схватив его, я снова улегся на прежнее место в осоку, затвор передернул, дыхание сбившееся перевел. Все! Теперь остается только ждать!

Долго ждать не пришлось. Буквально минут через пятнадцать на дороге затарахтел мотоцикл. Подъехали трое. Для меня – неожиданный сюрприз. Однако двое спрыгнули с мотоцикла, а водитель укатил.

Один из агентов прижимал к себе небольшой черный ящик. Что там у него? Ручка сбоку – так это же подрывная машинка! Крутанешь эту ручку, как на старых телефонных аппаратах, нажмешь кнопку – и как...! Только не ахнет у них – детонатор я выбросил.

Один из агентов прикрутил к машинке провода, и оба в окопчик влезли. Видел я тот окопчик – маловат. Поленились ребята! Хотя ведут себя спокойно. Как на учениях – никакой суеты и торопливости. Ловко устроились!

Холмик даже вблизи не выглядел потревоженным. Также он выглядел и вчера, и десять лет назад, если не знать, что в ямке наверху двое диверсантов с пулеметом лежат, затаились.

Вдали снова послышался треск мотоциклетного мотора. Видеть мотоцикл я не мог – осока заслоняла. Наши едут или это сообщники диверсантов?

Показался мотоцикл. Наши!

Николай сбросил скорость и вкатился в поворот. Из коляски привстал Андрей. В руке у него была граната. Он выдернул чеку, бросил гранату на холм, за ней – вторую... Сидевший за рулем Свиридов дал газ, и мотоцикл рванул вперед.

На холме жажнуло раз, второй... Мотоцикл развернулся на дороге, Свиридов привстал на подножках.

На холме, отбросив дерн, поднялся диверсант с пулеметом в руках. Не задели их гранаты, осколки поверху, над ямой пролетели.

Диверсант навел пулемет на мотоцикл и нажал спуск. Сухо клацнул затвор. Пулеметчик передернул его и еще раз нажал на спуск, решив, что произошла осечка. Снова послышался сухой стук затвора, но выстрела опять не последовало.

Из ямы приподнялся второй диверсант. Он поставил машинку на дерн и, крутанув ручку, нажал на кнопку. Мотоцикл Свиридова и Никонова стоял как раз рядом с местом, где диверсанты на обочине заложили взрывчатку. Если бы рвануло, и от мотоцикла и от офицеров мало бы что осталось – тола там было килограммов восемь.

Когда диверсанты наконец осознали, что и взрыва не произошло, они схватились за кобуры пистолетов. Только и Никонов не дремал. Сидя в коляске, он дал из автомата длинную очередь по агентам.

Я приподнялся из болота и тоже начал стрелять из «вальтера». Конечно, для пистолета дистанция была великовата – метров семьдесят-восемьдесят, но я рассчитывал хотя бы отвлечь агентов.

От очереди Никонова они оба упали. Убиты или укрылись?

Совсем близко затарахтел мотоцикл, и из-за поворота показался мотоциклист. Это был тот самый, что привозил агентов. Я поднял «вальтер» и сделал по мотоциклисту три прицельных выстрела.

Поняв, что я стреляю по мотоциклу, Никонов тоже дал очередь. Мотоцикл дернулся, свернул к холму и перевернулся. Свиридов и Никонов соскочили со своего мотоцикла и бросились к нему. Я тоже присоединился к ним, выбравшись из болота, как был – голый, мокрый, грязный.

– Он диверсантов сюда утром привез.

Свиридов и Никонов поднатужились и поставили перевернутый мотоцикл на колеса. Под ним лежал убитый водитель.

Мы осторожно стали подниматься на холм, держа наготове оружие. Но опасаться было уже некого – оба диверсанта лежали убитыми. Стрелял Никонов отлично, не зря, как и я, проходил спецподготовку в ОМСБОНе.

Только теперь офицеры обратили внимание на мой вид.

– Ну и страшен ты, Петр! Весь в грязи – как леший! – запоздало изумился Николай.

– Да чего ты пистолетом это место прикрываешь! Уж лучше бы лопух побольше в болотце выбрал! – подхватил Андрей.

Парни засмеялись.

– А почему он из пулемета не стрелял? – Никонов вытащил из рук убитого ручной пулемет Дегтярева и отщелкнул диск. – Да он же пустой!

– Конечно, я же все патроны из него загодя вытащил и в болоте утопил. – Николай с Андреем понимающе переглянулись и молча протянули мне руки для рукопожатия.

За разговором мы не услышали, как на дороге появились две машины. Шедший впереди джип тормознул у мотоцикла Свиридова – он стоял на середине дороги. Из него стремительно выскочили бойцы охраны и, загородив собою генеральскую машину, направили на нас автоматы.

– Бросайте оружие, и с поднятыми руками – ко мне! – грозно крикнул старший группы охранения.

Свиридов, Никонов и я бросили оружие и спустились с холма к дороге.

– О, так это же офицеры из СМЕРШа! Что тут у вас произошло?

– Группу диверсантов только что обезвредили, – сказал Свиридов.

– Группа-то где? Вижу одного, что у мотоцикла.

– Двое еще наверху – в окопчике лежат, на холме, – Свиридов качнул головой.

Дверь «эмки» распахнулась, из нее вылез генерал и подошел к нам.

– Почему задержка?

Мы вытянулись в струнку.

– СМЕРШ 2-й танковой армии, отдельная группа, командир капитан Свиридов. Ликвидировали диверсантов, товарищ генерал.

– Хм, а это что за чучело? – обратил на меня внимание генерал. – Тоже диверсант?

– Никак нет, товарищ генерал. Лейтенант Колесников, действовал по оперативной ситуации!

– Черти что, немедленно приведите себя в порядок, лейтенант!

В сторонке на меня поглядывали бойцы охраны, с трудом сдерживая улыбки. И только у одного человека я увидел на лице тревогу. Командир взвода охраны стоял бледный, живо представив себе, что здесь только что случилось и что могло бы произойти с генералом Рокоссовским, если бы мы не предупредили диверсию врага.

Генерал поморщился, передернул плечами, сел в машину, и маленькая колонна тронулась, объехав не опасную уже яму-ловушку. Мы дружно выдохнули.

Я побежал к ручью обмываться и одеваться. Свиридов и Никонов покатались от смеха.

– Причиндалы пиявки не отгрызли? – кричал мне вслед Андрей.

Ну-ну, смейтесь. Кабы не я, и взрыв грохнуть мог бы, и пулеметчик дело свое сделал бы. Ребята прекрасно это понимали, но нервное напряжение требовало выхода. Да я и не обижался – должно быть, со стороны это и в самом деле выглядело нелепо и смешно.

Когда я обмылся, оделся и вернулся к дороге, офицеры стащили с холма тела убитых и пулемет. Я откопал заряд тротила. Трупы, тротил и оружие мы уложили в коляски двух мотоциклов и поехали в отдел, на доклад к Сучкову.

Доложили по форме, написали рапорт.

Подполковник вышел из здания, осмотрел убитых агентов.

– Обыскали?

– Так точно! Карманы пустые, документов нет.

– Тогда чего вы их сюда привезли? Я что – убитых не видел? Ну и утопили бы их в том болоте. Собакам – собачья смерть. Сообщаю, что сегодня пришла шифрограмма – еще две группы обезврежены. Одну в Подмоскowie на квартире взяли, другую постреляли на КПП, при проверке документов. Вместе с двумя нашими – уже четыре получается. Две где-то еще бродят. Даю вам два дня отдыха. Молодцы!

– Служим Советскому Союзу! – дружно гаркнули мы.

Подполковник стал уже подниматься по ступеням лестницы, но обернулся:

– А что, Колесников, ты и в самом деле голым перед командующим предстал?

– Получилось так, товарищ подполковник. Я же в болоте лежал, скрытно оттуда за местностью наблюдал. А вот для того, чтобы обмундирование осталось сухим и чистым, пришлось раздеться.

– Хм, сколько служу...

Подполковник повернулся и буркнул:

– Совсем распустились.

И уже, проходя через дверь, проворчал:

– Как есть – леший.

Так и прилипло ко мне это прозвище.

Убитых агентов ни в какое болото мы не повезли – бойцы комендантского взвода вырыли за околицей яму и сбросили трупы туда. Тол и оружие сдали в «оружейку» и завалились спать.

– А мотоцикл? – вспомнил Андрей.

– Какой? Что в штабе фронта взяли? Завтра вернем.

Завтра вернуть не получилось – проспали до обеда. Проснулись, сходили пообедать и – снова спать. Только на следующий день мы смогли вернуть мотоцикл.

А через месяц мне присвоили звание старшего лейтенанта. Только вот обмыть его не получилось. Звездочки на погоны прикрепил, пообещав устроить завтра сабантуй, однако ночью началось немецкое наступление.

Наше командование знало о времени наступления немцев, и за час до удара, когда на передовые позиции выдвинулась немецкая пехота и подтянулись танки, наши войска нанесли массированный артиллерийский удар из всех орудий. Стреляло все – пушки, минометы, «Катюши». Грохот стоял невообразимый, на позициях немцев бушевал огненный шквал.

Наконец огонь начал стихать. Остывали, потрескивая, стволы орудий.

Прошел час, второй, третий... И только тогда пришедшие в себя немцы оправились и начали атаку. Именно тогда наши войска впервые столкнулись с массированным применением новых немецких танков «тигр». Мощная машина с толстой броней, с 88-миллиметровой пушкой спокойно пробивала броню наших Т-34 с дистанции двух километров.

Наша разведка докладывала об этих танках, но о том, что танк столь грозен и что их перед нами так много, мы не подозревали.

Немцы давили сильно – проломили нашу оборону и заставили отступать. Кровавые бои шли за каждый метр. В воздухе стояла гарь от горевших наших и немецких танков. Над головой

проплывали наши и немецкие бомбардировщики, причем, ввиду часто меняющейся ситуации от бомб – иногда своих, – доставалось обеим сторонам. Но армия была уже не та, что в 1941 году. Мощным подспорьем в борьбе с танками стали противотанковые пушки «ЗИС-2», самоходки – как с нашей, так и с немецкой стороны. А главное – солдаты уже не были растеряны, командиры имели опыт, и присутствовало твердое ощущение – выстоим!

Бои шли тяжелые. С утра до вечера с передовой доносился грохот канонады, в отдельные дни дым от горевшей техники закрывал солнце. На некоторых участках передовые позиции переходили из рук в руки по нескольку раз в день.

Центральный фронт имел задачу – перемолоть немецкие войска и перейти в наступление в направлении Брянска – на Климовичи, в направлении Смоленска – на Кисловичи. Наступление Центрального фронта поддерживали Воронежский и Брянский фронты. Однако немецкие войска подтянули резервы и нанесли жестокий и мощный контрудар, поставив наши войска в тяжелое положение.

Мы устояли, перемололи живую силу и технику немцев. Причем в период, когда передовые траншеи переходили от наших к немцам и обратно, кому-то в верхах пришла бредовая идея – осуществить операцию «Измена Родине». Суть ее состояла в том, что сотрудник СМЕРШа с пистолетом в кармане и гранатами в поднятых руках шел к немцам – якобы сдаваться в плен. Немцы, естественно, не стреляли. «Смершевец» подходил поближе, забрасывал гранатами окоп врага и, отстреливаясь из пистолета, убегал к своим.

Пару раз такая афера удалась, но потом немцы стали расстреливать из пулемета всех, кто шел к ним с поднятыми руками, – и «смершевцев», и настоящих изменников. Погибло много хороших, храбрых офицеров.

Операцию вскоре отменили.

Пятнадцатого июля Центральный фронт перешел в наступление, выйдя уже восемнадцатого августа к хорошо укрепленной оборонительной позиции гитлеровцев «Хаген» и заняв двадцать шестого августа города Глухов, Конотоп, Нежин и Чернигов.

В этих условиях СМЕРШу работать было очень сложно. Местность и населенные пункты постоянно менялись, не все население бывших оккупированных территорий было радо возвращению Советской власти – здесь оставались полицаи и изменники Родины.

И немцы, пользуясь удобным моментом, внедряли в наши ряды своих агентов – разведчиков, диверсантов. А как их быстро выявить? Всех ведь сразу не проверишь, документов у жителей – никаких, даже немецких «аусвайсов» не было. Конечно, когда мы отступали в 1941 году, много жителей ушло с нашими войсками, но многие не смогли этого сделать – по разным причинам: дети малые, немощные и требующие ухода старики, а кому-то было жалко скотину бросать. Часть населения на оккупированной территории погибла – от голода, расстрелов. Ведь немцы сразу же зачищали занятые земли – расстреливали евреев, цыган, коммунистов и психбольных. Предостаточно находилось людей, писавших доносы на соседей или заявлявшихся в немецкие управы или комендатуры и за вознаграждение сдававших известных им сотрудников советских органов – исполкомов, учетных столов.

Предатели есть и были во все времена. Их выявлением занимался НКВД. Иногда дело облегчалось тем, что, уходя, немцы в спешке не успевали уничтожить архивы, где хранились доносы и личные дела предателей. СМЕРШу такого подарка судьбы ждать не приходилось – любая разведка свято оберегает свои архивы.

Часть предателей, опасаясь возмездия, ушли с немцами, некоторые затаились, ожидая возвращения немецких войск и власти.

Досталось работы и милиции: спекулянты, воры всех мастей, грабители и убийцы не давали населению спокойно жить – держали в страхе даже днем. А ведь, по большому счету, брать у населения было нечего. Все более или менее ценное уже выменяно на рынках на продукты или отобрано немцами. Учитывая, что до войны жители и так были небогаты, добычей

при грабеже становились носильные вещи. Милиционеров не хватало, местных на работу в милицию не брали – перебрасывали сотрудников из районов, не попавших под оккупацию.

Надо сказать, что жителям, имевшим несчастье прозябать под немцем в оккупации, сильно не повезло. В автобиографии они довольно долго – даже через десять-двадцать лет после окончания войны – обязаны были указывать факт проживания в оккупированной зоне. А во время войны население освобожденных территорий поголовно попадало под подозрение – не фашистский ли пособник? На работу в государственные органы и силовые ведомства их не брали. Как будто бы это жители были виноваты в том, что армия и государство бросили их на произвол судьбы, не смогли защитить или хотя бы организованно эвакуировать.

Когда мы уже располагались в освобожденном Конотопе – украинском городе, стоявшем на пересечении железнодорожной ветки на Киев и на Сумы, недалеко от реки Сейм, всю нашу группу вызвал ставший уже полковником Сучков. Присутствовали не только мы – были еще и офицеры других групп контрразведки.

Полковник был явно чем-то озабочен.

– Товарищи офицеры! Должен сообщить вам, что в тылах 2-й танковой армии, которую курирует наш отдел, начал работу вражеский передатчик. За последние три дня в эфире его засекли дважды, и каждый выход в эфир – с новой точки. И еще. Мы вступили на территорию Украины. Обращаю ваше внимание. Здесь действует недавно организованная гитлеровским пособником Степаном Бандерой целая армия, которую они и называют не меньше как Украинская Повстанческая! Так что к диверсантам и немецким разведчикам присоединились еще и националисты, – как будто нам не хватало мародеров, убийц и грабителей. В основном они находятся в западных землях Украины, выглядят и действуют, как партизаны. Поэтому держитесь соответственно.

«Выходит, здесь не каждый украинец – друг», – подумал я. Полковник меж тем продолжал:

– Есть сведения, что националисты живут в своих селах и городах. Днем – мирные жители, а ночью – убийцы. Причем помощь оружием получают от немцев, а стреляют и в немцев, и в наших, списывая нападения на просоветски настроенных партизан. Обстановка сложная, и думаю, что по мере продвижения на запад она будет только ухудшаться. Потому приказываю: в села и деревни поодиночке не входить, всем получить автоматы. И второе: искать немецкую группу и радиста. Радиста – в первую очередь. Без связи им не передать разведанные. Вопросы?

– Удалось ли расшифровать сообщения? – спросил капитан из подразделения особистов. Вместо офицеров НКВД на должностях особистов уже давно были офицеры СМЕРШа.

– Пока нет, работаем. Как только появятся первые результаты, сообщим.

После совещания, несмотря на поздний час и темноту на улице, мы не расходились. Собрались у здания штаба группами и закурили. Речь, как всегда, шла об услышанном.

– Попробуй, найди того радиста! Легче иголку найти в стоге сена.

– Имей мы расшифровку – было бы проще искать. Хотя бы знали, о чем речь, где собирают сведения разведчики. Может, в ней о Шестнадцатой воздушной армии сообщают – тогда это уже не наша епархия.

– Какая разница? Радиста все равно искать надо, через него на группу выйдем.

– Так он тебе все и расскажет! Слюни подбери!

– А я так думаю, мужики. Коли речь идет о разных точках выхода, нужно с транспорта начинать. Ведь на чем-то они рацию перевозят? Между точками выхода в эфир – полсотни километров. Не набегаешься с радиостанцией за спиной. Смекаете?

Все умолкли. Это было похоже на правду. Точки были сильно удалены друг от друга. Одно дело, на три километра или на пять – можно пешком за час пройти, – но не пятьдесят

же? Либо радист служит в танковой армии и имеет служебный транспорт, либо рация не одна, и перемещается только радист. С подобными случаями нам тоже приходилось сталкиваться.

Первый выход радиции на связь был зафиксирован из района поселка Бахмач, а второй – из Бурыни. Первый – на запад от Конотопа, второй – на восток. Сам же Конотоп оказывался при этом почти посередине между точками выхода радиции. По логике получалось, что местом проживания или базирования радиста был Конотоп. Местоположение города удобное.

Мы вернулись в комнату, где квартировали прежним составом – втроем. За почти полгода, проведенных вместе – на службе, на квартирах, – мы притерлись друг к другу, сдружились. Когда в минуты отдыха случалось выпивать, сослуживцы вспоминали поимку группы диверсантов недалеко от Ельца и в шутку называли меня Лешим. Я не обижался – пусть выпустят пар.

На квартире зажгли керосиновую лампу, по местным меркам – почти роскошь. Электричества в Конотопе не было – уходя, немцы взорвали электростанцию. Так было почти в каждом освобожденном нами городе.

Открыв планшет, я стал изучать карту.

– Ты чего глаза портишь? – спросил Свиридов.

– Считаю, сколько до Берлина осталось.

– Да ты что? – удивился он, не поняв шутки. – И сколько же?

– Шучу. Тут вот какая интересная штука. Смотрите на карту.

Андрей и Николай склонились над столом.

– Вот Конотоп, – я ткнул в карту карандашом, – тут Бахмач, здесь – Бурынь. Что скажете?

– Почти на одной линии, – заметил Никонов.

– Это – да. Видишь связь какую, что ли? – спросил Свиридов.

– А что их объединяет? – я торжествующе обвел глазами товарищей.

– Шоссе, – показал на карте Андрей.

– А еще что? – не отставал я.

– Чего кота за хвост тянешь – говори прямо! – начал сердиться Николай.

– Да железная дорога! Смотрите: Бахмач и Бурынь – железнодорожные станции! Кто сказал, что радист должен машину или мотоцикл иметь? А если он по железной дороге передвигается? Сел в поезд и, где надо, сошел. И узлы или чемоданы на вокзале – привычное дело.

Свиридов уселся на кровати, довольно потирая руки. Похоже, моя идея вызвала у него интерес.

– В этом, определенно, что-то есть. Надо Сучкову доложить, – сказал он.

– Он не дурнее нас. С чем ты пойдешь? С предположениями?

– Верно. Прежде надо вокзалы да поезда прощупать.

– Да, стоит попробовать. И еще – с каким интервалом выходила в эфир рация?

– Три дня.

– Если он постоянно выходит с такими промежутками, то следующий сеанс – послезавтра.

Мы улеглись спать.

Ночью на улицах городка слышалась редкая пистолетная стрельба. То ли патрули задерживали воров и грабителей, то ли насильники и убийцы творили в темноте свои черные дела – кто знает?

После завтрака мы отправились на вокзал. Здесь нас ждало разочарование. Ходили только воинские эшелоны, не бравшие никаких пассажиров. Гражданских поездов просто не было. Люди добирались на попутных машинах, на повозках, а то и пешком.

Мое предположение потерпело крах.

Немного приуныв, мы вышли на шоссе – там был развернут КПП.

Весь день мы проверяли документы и досматривали вещи. Многих задержали, не имеющих никаких документов передали в милицию и местное НКВД. Но все это была мелочь. Сразу было видно – задержанные на агентов никак не похожи: или стары, или мать с ребенком – какой из нее агент? Да и немецкая разведка такого ляпа не допустит, чтобы агента не снабдить серьезными документами. Все не то.

А вечером нас снова вызвал к себе Сучков. Я видел, что он раздражен.

– Сегодня рация снова вышла в эфир. Позывные прежние – TLM, и почерк радиста тоже прежний. Работала долго – почти десять минут передачи.

Мы приуныли. Десять минут – это действительно долго, можно передать большой массив информации. И все – наверняка ценные сведения.

– Пеленгаторы засекали, откуда передача шла?

– Определили. Поселок Ворожба.

Я достал карту. От Конотопа – до поселка семьдесят пять километров. И опять поселок стоит на шоссе и железной дороге. Есть о чем задуматься!

– Ты чего, Колесников?

– Третий раз передача идет, и вот что интересно – все точки выхода стоят на шоссе и железной дороге.

– Пассажирские поезда не ходят. Надо искать машину.

– А работники железной дороги? Хотя эшелоны и воинские, транзитом следуют, но паровозы где-то базируются, депо у них должно быть. Где-то они должны углем и водой бункероваться. И речь не только о поездных бригадах. Есть составители поездов, обходчики, стрелочники. Всех должностей я просто не знаю, – не отступал я.

– Далась тебе эта железная дорога, – пробурчал Свиридов.

– А расшифровка есть? – посмотрел я на полковника.

– Нет еще. Каждый выход в эфир – разные шифры, только позывные прежние. Шифровальщики в штабе фронта бьются, Москву подключили, но пока – ничего.

Мы посидели, обсудили разные версии.

Мне же втемяшилась в голову мысль о работниках железной дороги. Почему – и сам не пойму, интуиция, наверное, подсказывала.

Утром, договорившись со Свиридовым, я отправился в одиночку в депо. Оказывается, было такое в Конотопе. Представившись, попросил начальника депо показать списки всех поездных бригад, кто работал в дни выхода рации. Опять разочарование – ни одна фамилия не повторялась дважды.

– А это все лица, кто ездит на поездах?

– Нет, почему же? Наше депо отвечает только за локомотивные бригады, а есть еще вагонное депо.

– И что с того? Они что, не вместе работают?

Я просто не представлял организацию работы железной дороги.

– Так на поезде еще люди есть. Главный кондуктор, например – он в хвостовом вагоне ездит, на переходной площадке, да и другие, – терпеливо растолковывал мне «кухню» обслуживания поездов начальник депо.

– А где находится вагонное депо?

– Перейдите через пути и – направо.

Эк у них все запутано! Однако со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

Начальник депо проводил меня к табельщице, которая, просмотрев бумаги, выдала список с фамилиями. Я пробежал его глазами. Одна фамилия повторялась дважды. Опять не укладывается... Если бы это был он – она бы повторялась уже три раза. А два – могло быть простым совпадением.

Я уже собрался уходить.

– Ой, подождите, товарищ военный! Подмена была – только сейчас вспомнила. Федотов менялся сменами с Коростылевым.

– Федотов? – я постарался спросить это безразличным голосом. А внутри екнуло. Ведь фамилия «Федотов» – как раз та, что встречалась уже дважды.

– Да, главный кондуктор. Что-то у него дома стряслось, и он вчера на смену выходил, а должен был – сегодня. Он чего-нибудь набедокурил?

– Нет-нет, простая проверка. Но об этом – никому не рассказывайте.

Я нашел отдел кадров и попросил предъявить все личные дела главных кондукторов. Не стоило брать отдельно личное дело Федотова – ни к чему привлекать внимание к его персоне. Женщины – народ болтливый, проговорятся невзначай и вспугнут рыбку.

Меня отвели в отдельную комнатку. Усевшись на скрипучий стул, я разложил на столе личные дела, нашел дело Федотова. С тусклой фотографии на меня смотрел мужчина средних лет с невыразительным лицом. Так, почитаем: «Федотов Степан Григорьевич, 1911 года рождения, уроженец города Сумы. Образование – семь классов. В партии не состоял... холост... не привлекался. Домашний адрес: проезд Харьковский, дом 7».

Биография тоже ничем не привлекала. На работе с 1942 года, ранее работал главным кондуктором в Туле и Курске. Сюда переведен вместе с группой других работников распоряжением Наркомата путей сообщения.

В характеристике все стандартное – да в них ничего такого и не бывает. «Трудолюбив, с товарищами общителен, в порочных наклонностях замечен не был, поддерживает и разделяет политику партии. Среди родственников репрессированных нет...» – и так далее.

Я просмотрел несколько других личных дел. Все они были похожи друг на друга, как две капли воды, за исключением фамилий. Стало быть, работа ведется формально, для отчета. Положено – сделано. А человека – с его слабостями и сильными сторонами – не видно. И еще – не во всех личных делах были фотографии.

Немного посомневавшись, я осторожно поддел ножом фотографию Федотова, отклеил его с листа учета и сунул в карман. Созрела у меня одна мысль, но надо было посоветоваться с начальством. Поэтому со станции сразу же и направился к Сучкову, поскольку Свиридов хоть и старший группы, решать этот вопрос неправомочен.

На дачу, полковник оказался на месте.

– Чего тебе, Колесников? Только коротко и четко – времени нет.

Я вкратце рассказал ему, что все три выхода радиста в эфир расположены на одной линии, что общими являются шоссе и железная дорога и что в трех случаях дни работы рации и рабочие дни кондуктора Федотова совпадают.

– Интересно! – полковник откинулся на спинку стула. – Что предлагаешь?

– Виноват, товарищ полковник, фотографию его я из личного дела изъял. Есть мысль съездить в депо Тулы и Курска – там Федотов работал до перевода в Конотоп, и предъявить снимок на местах – опознают ли? Поговорить с людьми – с кем больше всего общался?

– Может быть, пустышку тянем, а может – и нет, – покрутил пальцами полковник.

– Прошу направить меня в командировку.

Сучков задумался.

– Поездом долго будет – ходят нерегулярно, в воинский эшелон могут и не взять. По моему, у вас мотоцикл с коляской трофейный остался?

– Есть такое дело.

– Передай от меня писарю – пусть он командировочное предписание выпишет, и езжай. Если нароешь чего – сразу звони. И помни – не прохлаждаться посылаю, работать!

– Так точно, товарищ полковник!

– Действуй. И удачи тебе!

Хотел к черту послать, да ведь начальство – нельзя.

Взял у писаря командировочное и сразу – на квартиру. Мотоцикл наш трофейный, что от убитого диверсанта остался, у нас находился. Оседлал я его и – в дорогу.

Эх, фронтовые дороги, досталось же вам: танками раздавлены, бомбами разбиты – не дороги, а направления. Пока до Курска добрался, думал – всю душу дорога из меня вытрясет.

А в городе сразу в вагонное депо и – к начальству. К носу – удостоверение, чтобы проникся соответствующим пиететом.

– Да вы садитесь, товарищ...э...

– Колесников.

– Да. Так что вас интересует?

– Работал ли у вас кондуктором некий Федотов?

– Не могу сказать, я здесь человек новый, всего два месяца.

– Тогда отведите к человеку, который может это знать.

Меня провели к начальнику отдела кадров – пожилой женщине.

– Евдокия Павловна, вот к вам товарищ из органов.

Женщина побледнела.

– Нет-нет, успокойтесь, я насчет одного вашего работника. Хочу узнать, работал ли у вас раньше такой – Федотов его фамилия?

– Был такой, даже в документы заглядывать не буду. Я ведь двадцать лет в депо работаю, в кадрах. Всех знаю.

– И какой он из себя работник?

– Нормальный. Не выпивоха, не скандалист, тихий такой, знаете, уважительный. Приветливый – встретит, всегда поздоровается и непременно поинтересуется – как здоровье?

– А где он сейчас, не знаете?

– От нас его в Тулу перевели, да не его одного – десять человек забрали. Вы же знаете – работники путей сообщения на военном положении, куда прикажут, туда и переезжают.

Я достал из кармана фотографию Федотова, завернутую в листок бумаги.

– Посмотрите на эту фотографию.

Женщина взяла фото, всмотрелась, вернула мне.

– А кто это?

Я замер. Что это может значить? Фото плохое или человек на нем не Федотов?

– Вы уверены, что не знаете этого человека?

– В первый раз вижу.

Сердце подпрыгнуло – неужели вышли на след радиста?

– Евдокия Павловна, опишите, пожалуйста, внешность Федотова.

– Господи, да что он такого натворил? – забеспокоилась кадровичка.

– Пока ничего. Кража из вагона произошла, просто расследуем.

Инспекторша отдела кадров довольно ярко и образно описала внешность Федотова, начиная от украинского акцента и заканчивая походкой. Я все записал на бумагу.

– Спасибо, Евдокия Павловна, вы нам очень помогли. Не подскажите еще, где у вас комендатура?

– Если устроит, есть железнодорожная, на вокзале.

Я поблагодарил работников депо и вышел на улицу. Теперь мне срочно был нужен телефон – именно воинский, закрытой линии.

Я сел на мотоцикл и через железнодорожный переезд выехал на площадь перед вокзалом. В здании вокзала нашел военного коменданта.

На вытянутой руке показал коменданту удостоверение с тисненными буквами СМЕРШ.

– Мне нужен телефон закрытой связи.

– Сейчас, это можно, мы со всем почтением, – засуетился тот.

Комендант был явно рад, что я не к нему лично.

– Вот – пожалуйста.

Сам застыл у двери.

– Я бы хотел остаться один, слишком важные сведения. Или у вас есть допуск к государственным секретам?

Комендант мгновенно испарился.

Я поднял трубку. До Сучкова дозванивался бесконечно долго, через сеть промежуточных коммутаторов. Наконец в трубке щелкнуло, и раздался знакомый голос:

– Але, на проводе.

– Товарищ полковник, это Колесников – я из Курска говорю.

– Накопал чего-нибудь?

– Фотографию фигуранта в депо не опознали.

– Тэ-э-экс...

Полковник явно не ожидал такого результата.

– Разрешите съездить в Тулу. Надо разобраться, где и когда произошла подмена.

– Действуй, разрешаю.

– Товарищ полковник, не упустить бы его там, в Конотопе, пока я здесь все проверю.

– Не учи начальство.

Сучков повесил трубку. А у меня уже азарт охотничий появился, как у собаки, что на след вышла. От Курска до Тулы поболее будет, чем я уже отмахал от Конотопа. Но делать нечего, инициатива – она не только хлопоты и проблемы несет, без нее успеха не добьешься.

В депо мне подсобили подзаправить мотоцикл. И – снова на мотоцикл, снова езда по разбитым дорогам.

Ночью проехал Орел.

В Тулу я приехал уже под утро. В желудке сосало. Я попытался вспомнить, когда ел последний раз. По-моему, завтракал с сослуживцами – еще в Конотопе...

Я подъехал на привокзальную площадь и прошел на продуктовый пункт – по продаттестату отоварился за три дня. Съел, все, что получил, и даже вкуса не почувствовал. Все мои мысли были поглощены делом. Я хотел – стремился, как никогда за последний год – успеть выявить радиста. Он – пока единственная наша ниточка к группе немецких агентов. Каждый день промедления, каждый его выход в эфир – это удар по нашим частям.

Голод отступил, но очень хотелось спать, голова была чугунной.

Я перекурил и, оставив мотоцикл на привокзальной площади, направился по путям в сторону вагонного депо. Что меня успокаивало и радовало – так это то, что все структуры железной дороги работали круглосуточно: не придется ждать утра.

«Схожу-ка я в депо – разузнаю все и завалюсь спать», – решил я. Иначе усну за рулем.

Здание вагонного депо в сравнении с тем, которое я видел в Курске, казалось почти не пострадавшим от бомбежек.

Снова опрос. «Да, работал Федотов, потом в Конотоп переведен был». Ничего плохого о нем сказать не могли. И уже ожидаемое – фотографию не опознали. На ней – не Федотов.

Мне стало ясно, что настоящего Федотова подменили немецким агентом где-то между Тулой и Конотопом. Настоящий, вероятнее всего, убит и гниет где-нибудь в безвестной речушке. Как работник Наркомата путей сообщения, Федотов должен был перемещаться по железной дороге. Опять все упиралось в железную дорогу!

На всякий случай я взял списки работников, переведенных из Тулы в Конотоп. Таких оказалось трое: машинист паровозной бригады, его помощник и главный кондуктор Федотов.

Созвонившись с Сучковым, я доложил о новостях. Собственно, нового только и было, что подмена произошла на участке Тула – Конотоп немногим более месяца назад. Стало быть, и группа немецких агентов действует в наших тылах примерно столько же.

Полковник одобрил мои действия и напоследок сказал:

– И вот что, расшифрована первая радиограмма. Слушай текст, может быть, он наведет тебя на мысль – где искать:

«Раух сообщает Гнезду – ежедневная пропускная активность по станции Конотоп – сорок составов с военной техникой. Нуждаемся в деньгах и документах. Срочно высылайте запасные батареи к рации. Могу предположить, что дальнейший удар Центрального фронта последует в направлении Чернигов – Мозырь».

– Это все?

– Да, возвращайся назад.

Черта с два я сейчас поеду домой – надо отоспаться, хотя бы часа четыре.

Я вернулся на привокзальную площадь к мотоциклу. Рядом с ним прохаживались сержант и солдат с повязками на рукавах – «Патруль».

Козырнули:

– Ваш?

– Мой.

– Предъявите документы.

Я показал удостоверение и командировочное предписание.

– Можете следовать дальше.

Искать гостиницу – бесполезно, не было их в войну: все были переоборудованы под госпитали или штабы.

Я отъехал на окраину, увидел более-менее целый дом и постучался. Дверь открыла симпатичная, средних лет женщина. Договорился с хозяйкой об отдыхе за буханку хлеба. Оказавшись в отдельной комнате, с наслаждением разделся, сунул пистолет под подушку и вырубился с настроем – немного отдохнуть и встать через четыре часа.

Не знаю – кого как, но меня внутренние часы никогда не подводили – проснулся, как и рассчитывал, через четыре часа. Спать еще хотелось, но голова уже соображала.

Умылся холодной водой и – в обратный путь.

Миновал Щекино, а потом дорога по холмам пошла: подъем – спуск, подъем – спуск... Шоссе техникой забито – машины, тягачи, лошади с повозками. Не обгонишь и быстро не проедешь.

Кое-как, уже ночью добрался до Орла. С трудом, с помощью местного СМЕРШа, заправил мотоцикл. С бензином были проблемы.

– Вся горючка на фронт ушла, веришь – баки почти сухие, – пожаловался местный оперуполномоченный.

Он же помог мне с ночлегом, приютив на диванчике в кабинете.

А утром – снова в путь.

Вечером я был уже в Курске. Ночевать или дальше ехать? Нет, переночую – до Конотопа еще далеко, не выдюжу. Тем более фара имеет только узкую щель и светит едва ли на двадцать метров. Ночью ехать – сплошная мука, дороги не видно.

Пришлось искать ночлег на окраине, но мир не без добрых людей – повезло, пустили. Я опять переночевал у сердобольной бабушки, расплатившись деньгами. Продуктов – этой недевальвируемой валюты – уже не было.

Едва рассвело, как я снова отправился в путь – пока дороги еще не были забиты колоннами войск. И уже поздним вечером въехал в Конотоп. Устал так, что не пошел к Сучкову, а завалился в нашу комнату и, едва стянув сапоги, без сил свалился на кровать. Мышцы ныли так, как будто их долго мяли и выкручивали. Нелегко даются фронтовые дороги!

Утром я наскоро умылся, сбрил трехдневную щетину и помчался в отдел – предстать пред глазами начальства. Подробно доложил полковнику, что успел нарыть.

– Молодца! Не зря, значит, съездил. А мы тут тоже не сидели сложа руки. У меня один из офицеров – может быть, знаешь – Кирьянов из 4-го отдела, он из бывших «топтунов». Поводил вчера твоего Федотова – аккуратно так поводил!

– Какой же он мой?

– Твой, твой, не отнекивайся. Так вот: был он в пивной на Сталинской улице и, по-моему, обменялся информацией с буфетчиком.

– Это что – не точно?

– Близко подойти Кирьянов не смог – чтобы агента не насторожить и самому не спалиться, потому ручаться не может. Но спичечными коробками они, похоже, обменялись.

– Любопытно!

– Еще как! Людей не хватает за всеми проследить. Силовиков достаточно – схватить, повязать чисто, а вот с «топтунами» напряг. Не каждый может следить за человеком так, чтобы его не заметили. Причем заметить – весь день.

– Взять бы его, гада, за жабры, да вытрясти из него все, что знает.

– Можно. А ты уверен, что в группе радист один?

– Не уверен. Только у другого радиста почерк иной, в разведцентре запаникуют.

– Если радист пропадет, группа насторожится и может перебраться в другой город. А хотелось бы ее всю накрыть. Я не думаю, что группа велика. Основное ядро – человека три-четыре, ну и пособников – до десятка, не больше. К тому же многие из пособников «в черную» работают, за деньги. Если их и возьмем, они все равно ничего нам не скажут, потому как не знают – они ведь даже не пешки, просто мелочь.

– Умом понимаю, но руки горят взять сволочь и допросить с пристрастием.

– Пока ты его расколешь, остальные уйдут или затаятся.

В дверь постучали, и вошел незнакомый мне сержант. Он козырнул, положил на стол полковнику листок бумаги и вышел.

Сучков прочитал текст, и на его скулах заиграли желваки.

– Опять рация в эфир вышла! Причем сегодня – как раз смена Федотова. Иди, Колесников, думай. От работы на КПП я тебя освобождаю. Уж коли ты вычислил этого Федотова, занимайся теперь только им. Даю тебе полный карт-бланш. О результатах – докладывай немедленно.

Я вышел из здания и задумался. Где и как искать радиста, как выйти на сообщников? Хотя я и оперуполномоченный СМЕРШа, такой работой никогда не занимался – не розыскник. Тем, кто раньше служил в уголовном розыске, все-таки легче – навык есть.

Я присел на крыльцо, закурил. Город Сумы недалеко. Судя по автобиографии, Федотов родился там. Съездить? А что мне это даст? Еще раз можно убедиться, что агент – не настоящий Федотов. И не факт, что я найду его родственников – опять тупичок получается. Думай, Колесников, думай.

А не начать ли разматывать клубок с конца? Рация выходила уже четырежды, и каждый раз – с нового места. Мое предположение о нескольких рациях несостоятельно. Ни одна группа не сможет иметь четыре рации. Как он тогда ее перевозит, когда выходит в эфир? На работу с собой носить он ее не может – некуда спрятать. В карман ведь ее не положишь – велика. Составы, которые он сопровождает по службе, разные, следовательно – вагон отпадает.

Последить бы за этим Федотовым – но как? Гражданской одежды у меня не было, а если за ним в военной форме ходить – приметно будет. Специальной формы у сотрудников СМЕРШа тоже не было. У меня, например, форма армейская, полевая. На погонах – эмблема танковых войск, и петлицы черные – так это потому, что наш отдел числится за 2-й танковой армией.

Попробовать разве что издали, в бинокль понаблюдать? В лицо я этого Федотова знаю – по фотографии в личном деле. Нет, все-таки надо попробовать!

Я сходил на квартиру и достал из мешка Свиридова бинокль – хороший восьмикратный «Цейс», трофей капитана. Думаю, он не обидится, что я без спроса взял. И – на вокзал. Сказал же Сучков, что сегодня – смена Федотова, и рация в эфир выходила, засекли ее. Вот я и погляжу, куда он с поезда пойдет.

Отправившись на станцию, я зашел к начальнику вагонного депо. Тот сразу узнал меня, засуетился.

– Пара маленьких вопросов, и я освобожу вас от своего присутствия. Федотов у вас сегодня в смене. Так?

– Так.

– С какой стороны прибывает поезд, который он сопровождает?

– Со стороны Бахмача.

– Большое спасибо. Я полагаю, вы не станете никому о нашем разговоре распространяться?

И не дождавшись ответа, вышел. По путям прошел в конец станции. Где-то здесь останавливается последний вагон, на тормозной площадке которого будет находиться Федотов. Надо искать укрытие. Не могу же я одиноко торчать на путях, привлекая всеобщее внимание.

Метрах в тридцати от меня стояла будка стрелочника. Лишний свидетель.

Слева от путей были ветрозащитные посадки деревьев, справа – город. Пожалуй, укроюсь в посадке.

Я нашел место поукромнее, расположился на траве и достал бинокль.

Пыхтя и отплеываясь паром, прошел паровоз – старенький, серии «Э», с натугой тянувший платформу с танками. Остановился. Последний вагон был метрах в семидесяти от меня.

Я поднял бинокль. Главный кондуктор на площадке был совсем не похож на Федотова – молодой парень в черной железнодорожной форме. Он спрыгнул с платформы, снял с вагона красный фонарь, подхватил «балетку» – так назывался маленький фанерный чемоданчик, в котором брали на работу еду, – и ушел в сторону депо. Ну что ж, терпения мне не занимать, буду ждать.

Минуты шли за минутами, час за часом. Поезда приходили и уходили.

Наблюдая в бинокль за жизнью станции, я уже начал понимать, как работает железная дорога, кто, куда и зачем идет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.